

«опять встретимся, я тебѣ все объясню. Дѣло очень важное. До свиданья! Благодарю тебя за участіе.

Твой Муринъ.»

Признаюсь, эта записка произвела на меня отчасти впечатлѣніе горькой пилюли.

Роль моралиста, обращающаго грѣшника на путь истинный, роль, которую я уже считалъ въ правѣ себѣ присвоить, разыгралась совершенно не такъ, какъ я ожидалъ.

Муринъ исчезъ, блеснувъ какъ метеоръ.

Приходилось мнѣ вѣхать одному; и не совсѣмъ-то весело сказалъ я, махнувъ рукою:

— Трогай, ящикъ!

ВЛАД. ПАВЛОВЪ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ УКРАИНСКИХЪ ЧУМАКОВЪ:

Очерки четырехъ временъ года въ Малороссіи.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года.)

III.

Л в т о.

«Воны не вчени, ничого не знаютъ,
Чвалалми ходять, та бисивъ проводятъ!»

Мѣстная поговорка о чумакахъ.

«Чи рыбу съ Дону везете,
«Чи може выходци бурлаки.»

Энеида, Котляревскаго.

Пыльшняя степь.—Обычаи чумаковъ въ дорожѣ.—Перевалы, колодцы.—Какъ беретъ за водою жидъ и какъ беретъ христіанинъ.—Картини льта.—Заботы женскаго пола.—Чумацкіе пути.—Близость Крыма.—Статистика соляныхъ озеръ.—Какъ добывается соль.—«Горохтія привезли».—Обратный путь; овражки, саранча.—Сметръ чумака въ степи.—Чумацкія пѣсни.

Украинская степь, воспѣтая Гоголемъ, въ послѣднее пятидесятилѣтіе сильно измѣнилась. Это уже не то пустынное раздолье,

по которому въхаль когда-то Тарась Бульба съ сыновьями, не видя конца «морю травъ» и не встречая ни жилья, ни дороги. Тамъ, гдѣ еще за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, понуждая жителей къ хлѣбопашеству, правительство предписывало губернаторамъ имѣть крѣпкую предосторожность отъ Татаръ и Запорожцевъ, гдѣ безпрестанно посылались на пограничную линію пушки и порохъ, а поселяне выжидали, что вотъ-вотъ нагрянетъ врагъ и пуститъ по деревнямъ «красныхъ пѣтуховъ»; тамъ ружье смѣнилось уже косою, пушка плугомъ, а пустыня стала вспаханнымъ и засѣяннымъ полемъ. Степь по всемъ направленіямъ уже изрѣзана столбовыми и проселочными дорогами. Луга ея смяты безчисленными стадами овецъ и зовутся «толками». Желтый дрокъ и бѣлая кашка уже не выскакиваютъ такъ живописно, на безбрежной, но уже истоптанной человѣческою ногою луговинъ. Степь, дикая украинская степь, становится просто тихимъ русскимъ полемъ. Но хороша она еще въ своихъ отдельныхъ картинахъ. Весною, когда расцвѣтають травы, она еще является въ такомъ убранствѣ, что невольно остановишься и перенесешься во времена Тараса Бульбы и Вія. Красивъ особенно въ это время алый воронѣцъ, дико растущій тюльпанъ. Перепаханныя громадныя степныя нивы подъ пшеницу, о которыхъ великороссъ съ трудомъ составить понятіе, также отзываются чѣмъ-то особеннымъ. Въ уваженіе къ избыткамъ хлѣбопашества Украинецъ зоветъ степь, занятую хлѣбомъ, «царинна» и невольно ломаетъ передъ этою «царинною» шапку. Чумаки болѣе другихъ теряютъ отъ размноженія хлѣбопашества. Уменьшеніе луговъ подняло цѣны на подножный кормъ.

Возы нагружены, фуры двинулись, первый ночлегъ выдержанъ, пѣтухъ чѣмъ-свѣтъ крикнулъ, и обозъ двинулся впередъ. Чумацкій обозъ называется «валкой», передовой вожатый «ватажкомъ». Странствіе производится такъ:

Рано на зарѣ, часовъ около трехъ до восхода солнца, ватажокъ будитъ товарищей, сторожевые поятъ и запрягаютъ воловъ, и валка заріюетъ, то-есть идетъ по зарѣ до новаго перевала. Этотъ перевалъ производится уже тогда, какъ солнце поднимается надъ землею на два дуба, то-есть около шести или семи часовъ. При этомъ, пока волы отдыхаютъ и пасутся, чумаки завтракаютъ, «снимаютъ». Въ полдень второй перевалъ и обѣдъ. Вечеромъ, на зарѣ, ужинъ, а за нимъ ночлегъ и на-

стоящее пастбище воловъ. Вообще стараются въ день пройти верстъ тридцать. Ёдятъ дорогою кашу пшеничную съ саломъ, хлѣбъ съ солью, галушки, а на возвратномъ пути съ Дона рыбу соленую и вяленую. Обычай чумаковъ въ пути воздерживаться въ пищу. Воламъ выбираютъ лучший кормъ на лугахъ «толѡкахъ» и лучшей водопой. Минуютъ ближніе дурные колодцы и рѣки для дальнихъ и лучшихъ. Избѣгаютъ пути по солончакамъ, которыми усыяна лѣвая сторона Днѣпра, до Сиваша, и травы, называемой «чихирь». Отъ послѣдней волы страдаютъ кровотеченіемъ. Кромъ того, бичъ воловъ—оводы, комары и мошки, которые набиваются къ нимъ въ уши и въ ноздри и нерѣдко ихъ удушаютъ. Ближе къ Крыму, земля у лимановъ изобилуетъ вредными испареніями. Отсюда нерѣдко завозится на сѣверъ скотская чума. На хорошихъ «толѡкахъ» землевладѣльцы берутъ съ пары чумацкихъ воловъ за пастбу днемъ, въ короткій отдыхъ, отъ копѣйки до двухъ съ половиною серебромъ, а ночью двѣ и три. За водопой берутъ съ пары болѣе, именно около пяти копѣекъ серебромъ. Это потому, что большая часть водоемовъ въ степи, за немнѣишемъ рѣкъ, производится въ колодцахъ, гдѣ вода иногда находится сажень двадцать и тридцать ниже поверхности земли. Въ такихъ колодцахъ воду достаютъ колесомъ, руками или рычагомъ, посредствомъ лошади. За Орховымъ устроены, для уничтоженія высокихъ откупныхъ цѣнъ на водопой, казенные колодцы. Здѣсь чумаки платятъ только за посудину, на содержаніе бадьи, веревки и казармы съ сторожемъ, около полуторы копѣйки серебромъ за пару воловъ. Это значительное облегченіе чумаку. Можно вообразить, сколько частные колодцы, при произвольной платѣ, приносятъ доходу, когда казенные въ иныхъ мѣстахъ отдаются на откупъ за сто и болѣе рублей сер. въ годъ. Иногда въ день «привалить чумака столько», какъ говорятъ на югъ, что выбираютъ всю воду изъ колодца и долго ждутъ, пока она опять набѣжитъ. Казармы при казенныхъ колодцахъ, сложенные изъ «чамура», нежженаго кирпича, тоже служатъ убѣжищемъ для больныхъ чумаковъ. Тамъ-же, гдѣ колодцы содержатся частными людьми, чумаки предпочитаютъ идти болѣе глухими дорогами и, что довольно странно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ держатели не христіане, а жидаы. Объ этомъ вамъ расскажутъ довольно забавно. «Видите ли, говорятъ чумаки: жидъ возьметъ свое за понасъ и за водопой ско-

та, лишнее возьметъ, нельзя уже безъ того обойтись, и дѣло съ концомъ. А христіане выдумали отличиться отъ жидовъ. Какъ можно, чтобъ мы дорого откупали Божью траву и воду! И понастроили около толокъ и колодцевъ шинковъ, и снимаютъ, значить, плату приставленные въ этихъ кабакахъ шинкаря. Да какъ снимаютъ! Смотришь—человѣкъ, какъ человѣкъ: и хата у него расписана, и надъ дверьми вывѣска, и чисто такъ въ хатъ и кругомъ. За водою и пастбу возьметъ грошъ, или два, а прикладываетъ только на каждую пару воловъ по *осьмухъ водки*. Оно бы и то ничего: осьмуха тамъ стоитъ восемь копѣекъ ассигнаціями. Только та бѣда, у кого четыре пары — и пей, не хочешь, полведра. Самъ не выпьешь, пошь другихъ. А напился, и пошла голова колесомъ: прогуляешь, не опомнишься, и воловъ, и возъ, и одѣжу, и чужую кладь. Не мало нашихъ такъ съ однимъ кнутомъ домой приходили. Мы поэтому иныхъ помѣщиковъ и мнѣемъ, а идемъ къ нѣмцамъ, или татарамъ, или гдѣ жидки держатъ постоялы!»

Не мало приходится еще горя чумакамъ, если на пастбищъ очередной сторожевой зазывается или проспигъ и вола сдѣлаютъ «шкоду» — помнугъ и скормятъ часть чужаго хлѣба. Иные этимъ промышляютъ и нарочно держатъ «толѣки» близъ хлѣбныхъ нивъ. Чумакъ изъ села Мирнаго, Копылецъ-Коноваленко, рассказывалъ мнѣ, какъ подъ Орѣховымъ онъ было пустылъ пасти воловъ на городской общественной выгонъ, не зная, что его уже взялъ на откупъ мѣстный жидъ, какъ жидъ отнялъ у него вола и на силу, по неотступной мольбѣ всей валки, отдалъ этого вола за 30 р. асс., потребовавши сперва 60 р. асс. — Другой чумакъ, Тихонъ Вербицкій, изъ Балаклеи, передалъ мнѣ повѣствованіе о томъ, какъ въ какой-то Юрковкѣ помѣщикъ поймалъ его и товарища съ волами во ржи. «Что мнѣ съ васъ брать?» сказалъ помѣщикъ: «воловъ вашихъ не стану отнимать; ими вы кормитесь; а чтобъ помнили, что чужаго хлѣба портить нельзя, вотъ вамъ судъ. Какъ тебя перваго звать?» — Тихонъ. — «А тебя?» — Осипъ.

— Ну, Тихонъ, на тебѣ палку и побѣй хорошенько Осипа!» — Я было думалъ, что Осипа только и нужно побить и настегалъ ему спину такъ, что тотъ только подскакивалъ. — Ну, довольно же. Теперь, Осипъ, бери палку ты и побѣй Тихона, чтобъ и онъ помнилъ зарокъ!» — Товарища я, правда, уже очень обидѣлъ; но онъ принялся меня такъ стегать, что

сперва я было терпѣть, а тамъ уже пришло не въ могу и я сталъ просить милости. Разсмѣялся помѣщикъ и еще даль намъ по чаркѣ водки. Добрый царь, и мы къ нему послѣ часто зазжали. Все спрашиваетъ: а что, хлѣба уже не шкѣдите?»— Размноженіе промышленнаго духа сильно отозвалось на югъ Россіи. Спросите чумаковъ, за что они теперь не платятъ. «Все уже на откупѣ, кромѣ одного неба!» отвѣтятъ вамъ. И дѣйствительно, за водою берутъ, за кормъ травы берутъ, за мосты и переправы на паромахъ берутъ. Въ иныхъ мѣстахъ заставляютъ ихъ, при нагрузкѣ товаровъ, прежде исполнить нѣкоторыя городскія повинности, свезти изъ города на своихъ волахъ соръ, привезти камня или песку. Между собою дорогою они вообще очень старательны. Каждый день поочереди одинъ идетъ впереди валки, одинъ наблюдаетъ за общою трезвостью, сторожить воловъ поочереди и поочереди исправляетъ должность кашевара, готовитъ ужинъ и обѣдъ, мѣситъ тѣсто на галушки, раслачивается съ содержателями толокъ и водопоевъ, и несетъ всѣ обязанности по обозу. Нѣтъ ничего живописнѣе вечернихъ чумацкихъ переваловъ. Вozy поставлены четыреугольниками, по пяти и десяти возовъ въ рядъ съ каждой стороны. Внутри этихъ затишей разводятся костры; на костры ставятся желѣзные треножки, съ прицѣпленнымъ котелкомъ. Волонъ ночные сторожа гонять отъ дороги далье, на менѣе истоптанную поляну. Огонь пылаетъ, освѣщая черныя, запыленные и загорѣлыя лица. Пока каша поспѣетъ и сонъ еще не смежилъ усталыхъ глазъ, идутъ рассказы о старинѣ, о прежнихъ годахъ чумачества, говорятся сказки, выкладываются барыши, вспоминаются родичи. У кого обломался возъ, тотъ чинитъ колесо, подводитъ новую ось, скручиваетъ веревкой ободъ или спицу, пригоняетъ новый шворень. На утро, на мѣсть почлега, остается постоянно не мало щепокъ и стружекъ, краснорѣчиво говорящихъ о постоянно плохомъ устройствѣ чумацкихъ возовъ. «Худая снасть отдохнуть не дастъ» гласитъ пословица. Наконецъ, сломанное починено, ужинъ конченъ, всѣ засыпаютъ. Чѣмъ-свѣтъ пѣтухъ крикнулъ; на его голосъ, иногда еще въ потьмахъ, сторожевые гонять къ табору воловъ. Атаманъ покрикиваетъ: «А-ну-те, братцы, будетъ уже вамъ спать!» Всѣ встаютъ и обозъ въ двести или четыреста колесъ, скрипя, вытягивается вдоль дороги. Какъ ни стараются чумаки, для избѣжанія давки и суеты при переправахъ черезъ рѣ-

ки и водопояхъ, идти вѣлками не болѣе, какъ возовъ въ тридцать или много пятьдесятъ, чѣмъ ближе къ Крыму—они сбиваются болѣе и болѣе и наконецъ соединяются по широкому чумацкому пути въ безконечные обозы, о которыхъ говорится, что когда голова его уже просыпается и идетъ въ путь, хвостъ только еще спать ложится...

Дороги становятся все глуше и глуше. Проселки вовсе исчезаютъ. Села попадаются рѣже. Идетъ прямою стрѣлою одна большая торная дорога. По сторонамъ изгибаются только косогоры, да тянется зелень и зелень. И вотъ дальше и дальше. Балки, овраги смѣняются гладкими равнинами, равнины песками и опять балками. Вотъ на пути поднялся каменистый кряжъ холмовъ и какъ-будто горъ. Сегодня обозъ прошелъ весь день подъ нестерпимой солнечной истомой; завтра накрапываетъ дождь. На зарѣ изъ-за косогора показывается степная деревушка. Въ ямъ родникъ; у родника плетень изъ прутьевъ; огородъ раскинулся по откосу горы; десятокъ плодовыхъ деревьевъ недавно посажено. Курень стоитъ среди поля—это бакша; дыни и арбузы желтѣютъ и бѣлѣютъ среди темныхъ листьевъ «огудины.» Тамъ застрѣли приземистые кусты дикой вишни и терна. Здѣсь проходитъ на сѣверъ, въ столпцы, громадный гуртъ черкасскихъ быковъ на убой. Тонкорунныя стада овецъ ходятъ по стени. Овчаръ стоитъ, накинувши свитку на воткнутую въ землю палку, стружить кнутъ или ложку и смотреть издали, какъ идетъ обозъ. А обозъ все дальше подвигается. Вотъ степь какъ-будто изъ зеленой пожелтѣла и заливается чѣмъ-то краснымъ. Зной сушить и выжигаетъ травы. Надъ курганами играютъ мѣрева, мѣражи. Кругомъ ни звука. Все затихло въ зноѣ и духотѣ, птицы и кузнечики. Раздается только медленное колыханіе скрипучихъ возовъ, да слышится тихая постанъ сѣрыхъ воловъ, мѣрнымъ шагомъ взбивающихъ по дорогѣ тонкую пыль....

Такъ странствуютъ чумаки съ весны, все лѣто, до поздней осени. Мѣстная жизнь мало имѣетъ къ нимъ, въ это время, отношеній. Они о ней забываютъ. За то же и о чумакахъ почти совершенно забываютъ тогда остальные обитатели Малороссіи. Что имъ за дѣло до нихъ? Лѣто несетъ столько своихъ заботъ, что и не оберешься. Пословица говоритъ: «Лѣто собираетъ, зима поѣдаетъ»....

Іюнь, Червецъ, смѣняется іюлемъ, Липецмъ, любимымъ мѣся-

цемъ пчеловодовъ. За Лиццемъ идетъ Серпень, августъ, время уборки хлѣбовъ. Но на каждый день и на каждую недѣлю есть еще свои примѣты. До Юрія скотъ пасется въ селахъ еще на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенные поля. На Зилота собрано всякое цѣлебное зелье. Въ садахъ появляются «майки», шпанскія мухи. Онѣ усаживаются изумрудными роями на молодья вѣтви ясени и превращаютъ ихъ листья въ прозрачныя ткани тюля. По народному повѣрью, на Тихона затишаютъ птицы, и прежде всего соловей. Работы идутъ безъ усталы. Пословица велитъ: «въ дождь косить, въ погоду сушить». Приходитъ Ивановская-ночь, праздникъ Ивана Купала. По обычаю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ этотъ день жарятъ пѣтуха съ красными перьями, собираютъ отъ пожара клей съ десяти вишневыхъ деревьевъ, и на перекресткѣ трехъ дорогъ поднимаютъ на счастье три скрещенныя соломенки. Чуть стемнѣло, на выгонѣ кладутъ вереницы костровъ изъ носкони и соломы, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ нихъ попарно, парни съ дѣвками. Чучело «маринки» изъ вѣщихъ травъ и соломы, въ рубахѣ, поясѣ и моннствѣ, посаженное на осинное деревцо, ставится въ головѣ костровъ, среди хоровода. Пѣсни гремятъ про Ивашку и Марусю, Петра и Парасю, Васильку и Оксану, Грицьку и Найдю, Павла и Оленку. Съ криками и смѣхомъ топятъ наконецъ въ рѣкѣ и чучело, и дерево, распѣвая, какъ «ходили дивѣчки, коло маринѣчки, коло того вудола-Купала; играло солнышко на Ивана.» Дѣвушки начинаютъ расходиться по домамъ, затягивая пѣсню: «Купался Иванъ, та воду упалъ.» А парни подхватываютъ: «Иване, Иване! подъ гору зеленѣнко, на мѣсяцъ виднѣнко, мое сердѣнко!» — Купало проходитъ. Недалеко Петровки и задумчивыя пѣсни «петривочки». Если въ день Мокрины выпадетъ дождь, будетъ осень мокрая. На Палія не топятъ печей, чтобы онѣ не спалили деревни. Отъ множества мухъ, комаровъ и слѣпней некуда уже дѣться. Пчельники, пасѣки, въ гущинѣ уютныхъ вишневыхъ садиковъ, гудятъ, и соты ломаются отъ обильнаго сбора меду. Слобожанщицѣ помнилъ, что завѣщала людямъ, по повѣрью, въ началъ міра пчела, именно: «Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана» и не раскаивается, что долго съ весны кормилъ пчелъ. Отъ жары наконецъ нигдѣ не скроешься. Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время «подавилась мандрыкою», особенною лепешкою, какія пекутъ

въ петровскій ностъ. Засуха иногда убиваетъ на корнѣ и хлѣбъ, и травы. Тогда однѣ утреннія росы только еще и кропятъ еда остывающую ночью жаркую землю. Вѣтру нѣтъ, а наливающіеся колосья чья-то невидимая рука за ночь надламываетъ. Это значить, что, не смотря на засуху, урожаи будутъ хорошіи. Приходятъ Борисъ и Глѣбъ: въ поле поспѣлъ хлѣбъ. Но, замѣчаешь поговорка: «на Глѣба и Бориса за серпъ еще не берися.» Недалеко Августъ, Серпень. На Маккавеевъ происходитъ макотрусъ, вытряхиваніе зерна изъ поспѣвшихъ головокъ маку. На Луппа «овесъ лупнетъ», спѣетъ. И вотъ засверкалъ серпъ. Руки ломаются отъ взмаховъ косы, спины отъ вязанья сноповъ, ноги отъ ходьбы по пышной червонно-золотой нивѣ. Косовицкія и гребовицкія пѣсни сопровождали сѣнные покосы, а теперь сопровождаютъ и праздникъ «обжинокъ». Везы заскрипѣли и, наваленные новымъ хлѣбомъ, подъ вечеръ, какъ исполинскіе золотые жуки, ползутъ по пыльной дорогѣ къ околицѣ. Не за горами уже Спиридонъ-солнцеворотъ. Идутъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчель, святятъ медъ и яблоки. Зрѣютъ на бакшахъ арбузы и дыни. Бабы треплютъ коноплю и ленъ. А вотъ въ сѣлахъ показываются и бандуристы. Бандура звенитъ и кобзарь припѣваетъ: «Ой, бѣсъ мнѣ пораду нынче даль, что я себя нынче на печь бабу взялъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взялъ!» Слушатели подхватываютъ: «Ой, сорока стрекочетъ, никто бабы не хочетъ!» И всѣ приплясываютъ. Откуда-то подулъ острый сухой вѣтерокъ. Это «бурей» — осенній вѣтеръ; несущій бури. Тучи сдвигаются, ударилъ дождь и градъ. Дня три ливень не умолкаетъ. Но это только шутки осени. Лѣто еще не кончилось, и долго будетъ тепло и ясно. Долго еще не покажется Семечъ-лѣто-проводецъ, когда выкунѣвшій заяцъ, ставшій точно въ мѣховыхъ штанахъ, нырнетъ въ новой озими, и охотники выѣдутъ на понски волчьего выводка, что ни день похищающаго изъ села то поросятъ, то молодыхъ барашковъ.

Слѣдя жизнь по собственнымъ примѣтамъ и по шумъ располагаемая свои работы, Украинцы не замѣчаютъ, какъ время идетъ. Слово «скука» не существуетъ въ деревенскомъ словарѣ. И мало ли, напримѣръ, занятій дѣвушкѣ, уже не говоря объ отцахъ и братьяхъ ея! Отъ ранней зари она уже на ногахъ.

Въ косовицу дѣвки ставятъ конны. До уборки хлѣба, пока отцы работаютъ то въ лѣсу, то нанимаются у сосѣдей возить

сѣно, докашивать траву, онъ полють огороды, бакшу, конопляники, ходять собирать на зиму травы. Тогда чаще встрѣтишь дѣвку вечеромъ, у воротъ, или гдѣ нибудь у плотины, гдѣ вода шопотливо бѣжитъ, точно сказку кто говоритъ, рука объ руку съ милымъ. Разговоры влюбленныхъ, и на хуторяпскомъ языкѣ, большею частию слова безъ значенія. Изрѣдка только онъ скажетъ: «Ты вчера тамъ-то была или стояла, а я тебя думалъ затронуть, да не посмѣлъ!» или, она прибавитъ: «А ты гордый-прегордый сегодня утромъ прошелъ, и не поклонился, мимо нашей хаты!». Студѣныя и живительныя ночи смѣняютъ первые лѣтніе жары. Въ ихъ мракѣ скрывается много тайнъ. То тамъ, слышно, клеится свадьба къ осени, то здѣсь уже склеялась, и скоро благословятъ жениха и невесту. А гдѣ собрались на работу дѣвки, да еще примѣшайся тутъ двѣ-три бабы, толкамъ и крикамъ нѣтъ конца. Иной мужчина, даже и старшина съ палочкой, стоитъ тутъ, слушаетъ—слушаетъ, только плюнетъ и пойдетъ прочь. О чемъ онъ не говорятъ! Одна толкуетъ, что такіе-то и такіе парни хорошіе люди, а другіе дрянь, и кто кого любитъ, и съ кѣмъ знается. Другая кричитъ, бросивши работу, и божится, что, положимъ, Бобрѣкъ Иванъ не хорошъ, и чѣмъ не хорошъ и почему о такой-то не думаетъ и куда, напротивъ, его думки и мысли летятъ? Все ей извѣстно. Шопотомъ передастъ третья подружкѣ, какъ се въ воскресенье, въ огородъ, затронулъ такой-то, и что она ему сказала, и что онъ ей на то отвѣтилъ; какъ послѣ она пошла дальше, а онъ все за нею и просилъ, чтобъ она вышла постоять за ворота. Непобѣдимая и влекущая сила любви беретъ свое. Влюбленную тутъ сейчасъ намѣтятъ все и знаютъ ее давно. Сама она тоже какъ будто перерождается. Отца нѣтъ дома; надо все прибрать. Пшено на кашу затѣрто, горшки перемыты, корова сдосна, хата подметена, постель постлана. Надо ложиться раньше спать, завтра чѣмъ свѣтъ, по холодку, сходить на базаръ,—отецъ будетъ съ поля,—соли кушить, объѣдъ сварить. Мало ли работы? Но работа валится изъ рукъ, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Коса зачесана; дѣвушка умылась, кладетъ поклоны; спина изгибается, какъ молодой ясенюкъ. Дверь заперта, свѣтъ погашенъ, а въ окно смотритъ мѣсяцъ; вѣтка черешни машетъ и тѣнь перебѣгаетъ по полу. Вдругъ въ двери кто-то тихо стукнулъ, и сердце бьетъ тревогу. Долго будетъ памятна въ будущемъ и эта ночь, и свѣтъ мѣсяца, и неуго-

монный трескъ кузнечиковъ, до зари прерываемый только громкими криками пѣтуховъ, которымъ уморительно вторятъ пискливымъ баскомъ маленькіе, подрастающіе пѣтушки...

Съ бабами другая исторія. Гдѣ онѣ соберутся, тамъ часто драки не минуешь. Стоитъ какой-нибудь заикнуться о томъ, пожалуй, что весь свѣтъ скоро сгоритъ такъ вотъ, какъ хлопья горять, и никого уже больше не будетъ, и отъ людей одна сгарь полетитъ по воздуху, — всѣ тотчасъ опустятъ лопаты, или иголки, или грабли, что было въ рукахъ, и до вечера протолкуютъ, какъ это сгоритъ свѣтъ. «Да ты отъ кого слышала про это?» — «Отъ Кузубки!» — «А она?» — «Отъ своего дяди?» — «А онъ?» — «Отъ тетки, а можетъ, отъ кумы!» — Толкамъ нѣтъ конца. Скорѣе всего, что рассказчица о пожарѣ свѣта слышала отъ вѣтра. И этимъ еще не кончается. Завтра, одна изъ слышавшихъ это надѣнетъ новую юбку, возьметъ подъ мышку кусокъ полотна и какъ-будто за дѣломъ пойдетъ въ сосѣднее село. Тамъ скажетъ про все первой попавшейся знакомкѣ, та своимъ бабамъ и пошло кружить. Иногда мужики возвращаются съ заработокъ, а жены уже, за ненадобностью и скорымъ концомъ свѣта, одѣжу сбываютъ въ пол-цѣны. Исторія кончается другою исторіею. Напримѣръ, одна, развеселившись и разолгавшись на распашку всей души, вдругъ скажетъ на работѣ другой: «Да это, душко моя, было тогда, какъ мы съ тобою, помнишь, у отца Гарасима лукъ крали?» — «Какъ крали? Врешь... Я не крала; это ты одна крала, а я только смотрѣла, и говорила: э! Варько! не крадь, увидятъ! Помнишь?» — «Врешь, врешь! Крали, вмѣстѣ крали! И ты еще полный подоль набрала!» — Толпа слушательницъ разделяется на-двое; однѣ пристають къ первой, другія ко второй. Разбираютъ дѣло до той поры, что переругаются до потери голоса и идутъ домой съ синяками подъ глазами. И все тутъ поминается обидчицамъ: гдѣ какая изъ нихъ пьяна была, гдѣ мужъ ея билъ, и какъ мужъ оставилъ въ корчмѣ полсъ заложенный и шапку и не въ чемъ ему было домой идти. Все поминаютъ словоохотливыя бабы...

А пока въ деревняхъ бабы соорятся, а дѣвки толкуютъ про суженыхъ, чумаки уже далеко-далеко въ пути, уже скоро въ Крымъ прѣдутъ и съ Дону рыбы навезутъ. Пути, которыми они ходятъ, болѣею частію, не измѣняются.

Одни обозы чумаковъ идутъ на Донъ и Азовскія побережья,

гдѣ нагружаются соленой и вяленой рыбой. Изъ этой рыбы самая употребительная и известная въ Украинѣ — «тарань». Она поспѣваетъ съ Дона обыкновенно какъ-разъ къ Петровскому посту и раскупается на расхватъ для косарей и домашняго употребленія. Другіе обозы отправляются въ Крымъ, къ озерамъ, за солью. Выше уже сказано, что главная дорога туда идетъ изъ стариннаго такъ-называемымъ «Муравскимъ шляхомъ». Изъ Слободской Украинны, нынѣшней Харьковской губерніи, чумаки идутъ любимую старинною дорогою на Изюмъ, пробираясь на югъ между верховьями рѣкъ, между Торцами, отъ Золотаго Колодезя, мимо Лукновахи, Опалихи и Терновки. Цѣль ихъ вообще избѣгать плотинъ и переправъ черезъ рѣки, гдѣ бывали прежде и теперь нерѣдко случаются притѣсненія въ видѣ разныхъ поборовъ отъ землевладѣльцевъ. Перейдя за Донецъ подъ Изюмомъ, чумаки идутъ на Камышеваху, Барвенково, Мичибелово, а съ другой стороны черезъ Цареборисово и Долгенькое, на Самару. Вотъ, для примѣра, полный дорожникъ чумака Грицька Пришибченка, которымъ онъ ходилъ, въ минувшемъ 1856 году, въ Крымъ изъ Изюма. Изъ Изюма до Барвенковой — Стѣнки, отсюда на Квитку, Карповыхъ и Бахметьева по Торцу *. Потомъ мимо Сонцева на Быку, черезъ Янченка на Водяной, въ казенное село Гришино, гдѣ проходитъ почтовая дорога изъ Екатеринославля въ Бахмутъ. Изъ Гришина въ Будянскій-хуторъ, потомъ въ казенную слободу Мало-Алексѣевку. Тутъ рѣка Волчья раздѣляетъ Павлоградскій уѣздъ отъ Александровскаго.

Рѣку Богатырь, называемую еще Джемрекъ, перевозжаютъ по настоящему, хорошо-устроенному мосту. Здѣсь уже начинаются иностранныя колоніи. Первая Большой Янысель, потомъ Старый Керменчикъ. Отсюда дорога идетъ въ село Пріютъ, имѣніе Сонцева, на рѣкъ Кобыльной. Вблизи этой рѣки, на рѣкъ Волчей, въ степи, недавно еще видѣли остатки табуновъ дикихъ лошадей, и, какъ прибавляютъ, эти лошади съренькія и небольшого роста и также пугливы, какъ всякая полевая дичь, бѣгутъ отъ одного вида челоуѣка. Близъ Пріюта явились не такъ давно еврейскія колоніи или номера, какъ ихъ тутъ называютъ. Изъ Пріюта чумацкая дорога идетъ въ Апухтины-Номера и въ Черниговскіе-Хутора. Между послѣдними степь лежитъ на пятьде-

* Чумаки большею частію называютъ имена помѣщиковъ, вмѣсто именъ ихъ деревень.

сять верстѣ, не оживленная ни одною деревушкой. За этимъ пѣмецкое село Красный-Трактиръ смѣняется Астраханкою, деревней секты малакановъ. Наконецъ является среди степи уздннй городъ Мелитополь, прежде Кизьяръ. Онъ состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, болѣею частію избушекъ. За Мелитополемъ, гдѣ уже на базарной площади толкуются двуколесныя татарскія арбы и верблюды, и гдѣ я покупала виноградъ въ одной цѣнѣ, какъ за педьло въ Крыму, въ южно-береговой Алупкѣ, встрѣчается еще одно русское село Ефимовка, съ почтовою станціей на Перекопѣ. Отсюда уже на полтора ста верстѣ идутъ однѣ татарскія и пагайскія деревни. Недалеко отъ Приюта, въ Святодуховкѣ, живетъ замѣчательный чумакъ Иванъ Солонина, тридцать лѣтъ занимающійся своимъ ремесломъ и побывавшій съ волами даже въ Варшавѣ. Мѣстные жители много говорятъ о его умѣ, честности и неутомимости въ дорогѣ.

Другихъ путей я не буду изчислять *. Чумаки, живущіе близъ Днѣпра, идутъ еще въ Одессу, Польшу и въ Бессарабію, съ разнымъ грузомъ. Изъ Бессарабіи тоже вывозятъ соль. На Днѣпрѣ переправляются въ тѣхъ же старинныхъ запорожскихъ бродяхъ и татарскихъ перелазяхъ, гдѣ впрочемъ уже устроены хорошіе паромы и плувчіе мосты, какъ въ Кременчугѣ. — На Сивашѣ устроенъ мостъ, на паляхъ, осмоленныхъ «шевскою смолою», какъ говорятъ чумаки. За мостомъ Перекопѣ, и вблизи первое соленое озеро Тонкое. Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески, у Днѣпра, знаменитые своею «безкормицею», мало ѣздятъ чумаки, а везутъ соль на село Конани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру ставится въ Херсонъ. Вообще, лѣвая сторона Днѣпра, до Свиша, идетъ «солончаками», а правая, по Ингулу и Ингульцу, «балками», лѣснатыми оврагами и песками. Съ вѣс-

* Какъ исключеніе, упомяну еще о пути, которымъ ходятъ Змievскіе чумаки. Перѣхавши за Донецъ въ Крейдянкѣ, на казенныхъ мельницахъ, они идутъ на рѣчки: Береку, Бретан, Торецъ, Терновку, Самару, Волчью, Тирсу и село Омельникъ. Здѣсь, отъ Орѣхова, гдѣ сходятся почти всѣ мѣстныя чумацкія дороги, идутъ три дня степью. Такая же трехъ-дневная степная, пустынная дорога повторяется еще далѣе, за Рахмоновымъ. Чумакъ Сосновый мнѣ тоже говорилъ, что видѣлъ здѣсь *дикихъ лошадей*—такихъ смуренькихъ, «мышастыхъ», что они выѣдаютъ сосѣдніе хлѣба, и сторожатъ ихъ жеребецъ; послѣдній, увидя людей, заржетъ, онъ и бѣгутъ. «А дальше уже идутъ Нѣмцы, да Татары; именъ ихъ не знаемъ, а идемъ ими около четырехъ дней.» Тутъ уже и Перекопѣ.

ны открывается переправа на паромъ въ Бериславъ. Тутъ сходится иногда разомъ нѣсколько тысячъ воловыхъ воевъ. Въ Одессу идетъ другое рѣзвѣтвленіе чумацкихъ обозовъ. По статистическимъ даннымъ, въ Кіевской губерніи около 17,500 чумаковъ и у нихъ до 70 тысячъ паръ воловъ. Они въ Одессу возятъ, съ апрѣля до сентября, почти непрерывно, пшеницу изъ окрестныхъ уѣздовъ, вѣзятъ въ Бессарабію, въ Крымъ и на Донъ. Иногда изъ нѣсколькихъ «валокъ» составляется обозъ въ триста паръ подводъ, при чемъ у избираемаго атамана, старосты, хранятся артельные деньги, для покупки на общину дорогой новыхъ воловъ, вмѣсто навшихъ, для починки воевъ и покупки на мѣсть товаровъ. Изъ названнаго числа Кіевскихъ чумаковъ, 30 тысячъ паръ воловъ ходитъ ежегодно въ Крымъ и Бессарабію за солью; каждая пара беретъ оттуда до 60 пудовъ соли. Следовательно, они одни ввозятъ въ Малороссію до 1,800 пудовъ соли, которую покупаютъ цѣной около 25 коп. сер., а продаютъ въ Волыни, Подоліи и въ Кременчугъ по 60 коп. сер. за пудъ. На Донъ ходитъ около 10 тысячъ подводъ, откуда это число вывозитъ ежегодно рыбы на 70 тысячъ рублей сер. Такимъ образомъ, все почти пространство южно-русскихъ степей, по географіи заключающее въ себя до 15 тысячъ квадратныхъ миль, отъ весны до поздней осени, въ разныхъ направленіяхъ искрещивается странствующими чумаками. Послѣднихъ ничто не пугаетъ, ни видъ пустынной степи, гдѣ волнуется щетинистый «ковылъ», да неуклюжіи сѣрый «бурьянъ», ни вредные болота приднѣпровскихъ лимановъ, съ сыпучими песками—«прогноями» и «солончаками». Они идутъ себѣ шагъ за шагомъ, перенося зной и бури, жажду и голодъ, въ ожиданіи богатаго сбора рыбы и соли. Рыбный уловъ не столько любопытенъ, какъ сборъ соли въ Крымскихъ озерахъ, и потому я коснусь здѣсь послѣдняго.

Соляныя озера Крымскія дѣлятся на внѣшнія и внутреннія. Ко внѣшнимъ принадлежатъ: *переконскія*,—(Старое, Красное, Круглое или Адаманъ, Кіянъ, Керлеуть и Чюрюмъ); *геническія*—(Геническое и Аверьяновское); *Кибурнскія* или *прогноинскія* (Дубовое, Плоское, Сапетное, Долгое, Черное, Круглое, Куликово, Разсоха, Червонное и другія). Къ внутреннимъ относятся: четыре *Эвпаторійскія*—Сакское или Тузла, Гпилое, Султанъ-Али и Тобулды; потомъ—Эленъ, Шейхъ-Элійское и Окташъ.—Всего около 56 озеръ и солончаковъ. Нѣкоторыя озера, какъ

напримѣръ *Крулое-Перекопское*, имѣютъ до 66 верстѣ въ округности; другія, какъ кинбурнскія, всего отъ 170 до 550 сажень. Солеломщиковъ-работниковъ здѣсь ежегодно бываетъ до 15,000 человекъ. Это число вырабатываетъ соли до 34 миллионъ пуд. Соляные промыслы принадлежатъ казнѣ. Последняя платитъ за добычу соли отъ 1 до 2 копѣекъ серебромъ за пудъ, а продаетъ чумакамъ и желающимъ, изъ заготовленныхъ уже складовъ, пудъ внѣ Крыма по 24 коп. сер., а внутри, у Перекопскихъ воротъ и на проливъ, по 23 коп. сер. Въ 1845 году выдано изъ казны рабочимъ до 200 тысячъ рублей сер. въ два мѣсяца, когда собиралась соль, въ жары, отъ конца мая до конца іюля. Сбытъ соли занимаетъ новое число рукъ. Продавая до 8 миллионъ пуд. въ годъ, казна требуетъ для этого до 120—123 тысячъ воловыхъ парныхъ подводъ, съ 30 тысячами погонщиковъ и почти съ 300 тысячами воловъ, считая здѣсь запасныхъ воловъ. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ Крымскій соляной промыселъ давалъ до 2,200,000 р. сер. дохода казнѣ, а Бессарабскій около 10 миллионъ рублей сер. Сверхъ добычи соли, нѣкоторыя крымскія озера, какъ Сакское, пользуются съ успѣхомъ значительное число больныхъ своими грязями.

Чуть только, въ концѣ мая или въ началѣ іюня, вода отступила изъ лимановъ и съ береговъ озеръ, соль садится на землѣ и лежитъ толстою корою, иногда далеко съ берега надъ водой, какъ ледъ, до конца іюля, особенно если лѣто сухое. Дожди ее размываютъ. Въ это время, дворяне Подольскіе, Новороссійскіе и Бессарабскіе, казенные комиссары, нѣмецкіе колонисты, чумаки и Татары, шлютъ подводы и сами являются за закупкой и грузомъ соли. Казенное промысловое управленіе распределяетъ работы и дѣлитъ лиманы жердями на пай, отъ береговъ до середины лимана. Близъ берега слои соляныхъ кристалловъ тоньше, въ глубинѣ толще. Ямы и глубины оставляются за казною. Лопатами и корытами берутъ иль съ солью и даютъ ему осѣсть на берегу. Гдѣ дно суше, тамъ и работа легче. Соль возятъ тачками, на волахъ и лошадахъ. Работники подвязываютъ подъ ноги досечки, потому что соляной сиропъ, «*тузлукъ*», очень вреденъ, кожа на ногахъ отъ него трескается и въ трещинахъ открываются упорныя раны. На руки работники надѣваютъ особаго рода рукавицы. Одежда отъ соли, пропитываясь тузлукомъ, деревянѣетъ. Работники круглымъ числомъ зарабатываютъ въ мѣсяць отъ 50 до 70 р. сер. Прежде всего пополняютъ казен-

ные склады соли въ надднѣпровскихъ магазинахъ. Прочесъ копятъ въ скирдахъ, называемыхъ «кагатами», гдѣ помещается въ каждомъ отъ 8 до 10 тысячъ пуд. соли. Чтобы кагаты не портились отъ непогоды и не размывались дождями, ихъ обжигаютъ хворостомъ и соломой такъ, что слежавшуюся и обожженную соль въ нихъ послѣ съ трудомъ рубятъ ломами и топорами. Лучшею, чистою солью считается славная на мѣсть и въ Малороссіи «красноозѣрка» и «староозѣрка»—съ двухъ обширнѣйшихъ перекопскихъ озеръ, Краснаго и Стараго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казна отдаетъ добычу соли на откупъ частнымъ лицамъ. Откупщики при этомъ, взявши озера, нанимаютъ «тахву» артель рабочихъ съ тачками, возами. У берега соль черпаютъ, въ смѣшеніи съ тузлыкомъ, лопатами, артелью человекъ въ двадцать; изъ складовъ, кагатовъ, ее рубятъ. Эти кагаты обыкновенно бываютъ величиною въ длину восемь сажень, въ ширину двѣ и въ отвѣсъ одна сажень.

Чумаковъ, по приходѣ ихъ къ Перекопу, выстраиваютъ въ рядъ. Чиновники повѣряютъ, сколько возы каждаго могутъ поднять соли, и за этимъ выдаютъ имъ на проходъ къ озерамъ открытые листы. Въ кагатахъ, по этимъ мѣстамъ, имъ отпускаютъ соль даромъ, а берутъ деньги уже въ правленіи, при обратномъ ихъ проходѣ черезъ Перекопскія ворота. Иногда здѣсь собирается нѣсколько сотъ обозовъ. Тогда кормъ и водопой дорожаютъ и чумаки наперерывъ стараются скорѣе расплатиться и уйти. Иные стоятъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ....

Но вотъ, соль окулена, возы нагружены, чумаки идутъ въ обратный путь. Иные везутъ соль прямо домой, въ тысячи селъ и мѣстечекъ своей родины. Другіе везутъ ее въ складочныя мѣста на Днѣпръ, откуда соль водою, выше пороговъ, поднимается въ западныя губерніи и въ Царство Польское. Одно изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ соли, на Днѣпрѣ, *Крюковъ-посадъ*, въ предмѣстьи Кременчуга. Здѣсь, въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ, истинное царство чумаковъ. Тутъ они складываютъ соль, выручаютъ чистаганомъ барышъ и нерѣдко тутъ же ея пропиваютъ до копѣйки. Тогда, прокутившійся чумакъ, въ послѣднемъ похмѣльѣ, садится на площади, заломить на ухо высокую шапку и слезноза поетъ знаменитую чумацкую пѣсню:

«Ой, запивъ чумакъ, запивъ,
Сидя на рыночку;

«Тай пропивъ чумаки, пропивъ
Усю худобочку....»

Въ обратный путь чумаки берутъ больше клади, нежели отправляясь изъ дому. Это потому, что соль и рыба тяжелѣе деревянныхъ порубокъ въ одномъ объемъ величины, и, нагруженные выше вѣса, не такъ на ходу раскачиваютъ возъ, какъ товары, увозимые изъ Малороссіи на югъ, въ томъ числѣ и хлѣбъ.

Иногда, какъ въ минувшемъ году, когда чумаки пришли въ Крымъ, а тамъ, за смутами войны, не успѣли собрать достаточнаго количества соли, въ дорогѣ встрѣтите ихъ смутными, невеселыми, съ понуренными головами.

— Эй, братцы! Что вы привезли изъ Крыму?

— *Торохтія, псе, привезли!* отвѣтятъ они. То есть: такое, отъ чего пустые возы только торохтятъ, стучать.

Приближаясь къ родинѣ, не всегда тоже эти присяжные скитальцы встрѣчаются радостными новостями о своихъ. Тамъ съели хлѣбъ «овражкій», особый звѣрекъ, родъ суслика; тамъ прилетѣла «саранча» и тоже уничтожаетъ сибующія нивы. Часто, рано на зарѣ, поднявшись за косогоръ, чумаки видятъ родимую полосу земли, гдѣ залегла эта саранча. Стрыя, стекольчатая крылья блестятъ на нѣсколько сотъ сажень, отражаясь по склону холма, противъ солнца; а исполнская стая журавлей, птицъ въ четыреста, выстроившись правильною шеренгою, степенно ходитъ и клюетъ ее.

«Овражки» составляютъ самый современный вопросъ нынѣшней жизни украинскаго Юга. Есть имѣнія, гдѣ вотъ уже седьмой годъ сряду поселяне и помѣщики покупаютъ сѣмена пшеницы, засѣваютъ ими цѣлыя сотни десятинъ земли и на слѣдующій годъ видятъ, какъ въ ихъ глазахъ созрѣвшій уже хлѣбъ уничтожаютъ въ колосѣ до тла эти овражки. И нѣтъ до-сихъ-поръ положительнаго средства ихъ истреблять. Ходитъ на югъ преданіе, что пару этихъ хорошенькихъ звѣрковъ, какъ диковину, привезъ изъ-за-границы и подарилъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой, во время ея проѣзда черезъ Малороссію въ Крымъ, не то императоръ Австрійскій, не то король Польскій. Звѣрки убѣжали и съ той поры, подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ имъ мѣстныхъ обстоятельствъ нашего юга, малолюдности и многоземелія, страшно расплодился. Одна пара овражковъ даетъ дѣтей три раза въ лѣто. Говорятъ, что уже при

Императоръ Александръ I-мъ были распоряженія объ истребленіи ихъ; а при Императорѣ Павлѣ даже отряжались войска ихъ уничтожать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Это только слухи. Теперь спохватились сами помѣщики. Одинъ изъ Екатеринославскихъ помѣщиковъ, *** , мнѣ говорилъ, что въ его помѣніи, по примѣру другихъ, была объявлена плата за каждаго убитаго овражка по 3 коп. сер. Дѣйствительно, — въ мѣсяцъ иногда сосѣдніе и свои мальчишки приносили въ его контору съ его полей нѣсколько тысячъ этихъ звѣрковъ, и онъ расплачивался. Но что же было ему дѣлать, если сосѣди, глядя на его попытки, сами ничего не предпринимали и къ осени ихъ овражки снова наполняли его очищаемыя поля?—Южное Общество Сельскаго Хозяйства объявило премію за сочиненіе о мѣрахъ къ истребленію овражковъ. Представлены два, и оба увѣнчаны общеою признательностію. Но они научно говорятъ болѣе о нравахъ овражковъ, нежели даютъ средства отъ нихъ избавиться. Много было попытокъ въ этомъ родѣ на мѣстѣ. Я былъ свидѣтелемъ въ примѣненіи нѣкоторыхъ попытокъ на дѣлѣ. Овражокъ копаетъ глубокую нору подѣ землю, съ развѣтвленіями, и прячется туда едва слышнѣе человека. Такихъ норъ еще у инаго нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ. Пытались эти норы засыпать пескомъ и забивать клиньями; овражки спасались другими, не зримыми въ травѣ ходами. Пробовали прежде удушать ихъ, наполняя нору, посредствомъ раздувальнаго мѣха, ѣдкимъ дымомъ изъ ядовитыхъ веществъ и простаго навознаго кирпича. И это не помогало въ нужной степени: иногда овражка именно въ то время не было въ наполняемой дымомъ норѣ, а онъ былъ въ норѣ по сосѣдству. Иные овражковъ выливаютъ изъ норы водою и потомъ, чуть онъ, затопленный, высунетъ мордочку, его убиваютъ. Но это требуетъ большой возни, подводъ и бочекъ, тогда какъ иной разъ степь хозяина простиралась на десятки верстъ во всѣ стороны, а рѣки нѣтъ и воду берутъ изъ колодцевъ. Одинъ тонкій нѣмецъ предложилъ было даже выливать овражковъ кипяткомъ, ставя самовары у отверстія норокъ! Изъянъ отъ овражковъ такъ великъ, что по расчету нѣкоторыхъ хозяевъ, если бы мѣстность изобиловала лѣсомъ, выгодно было бы даже обнести поля съ хлѣбомъ, силошными стѣнами изъ досокъ, въ аршинъ вышиною. Дѣлали пробы. Овражки дѣйствительно такъ высоко не перепрыгнутъ. Но они могутъ прорыть ходы подѣ досками. Да и гдѣ взять въ

степяхъ такого количества льса! Недавно пронесся слухъ, что какой-то помещикъ придумалъ рѣшительное средство для истребленія овражковъ: именно зараженіе ихъ покольвнѣй *прививкою оспы*. Этотъ слухъ снова замолкъ. Говорятъ, что овражки относятся къ слѣзпорожденнымъ; а на слѣзпорожденныхъ оспа не дѣйствуетъ. Последнее, на чемъ теперь стоятъ въ Новороссіи и Малороссіи толки объ истинной язвѣ края, объ овражкахъ, это мысль помещика Бахмутскаго уѣзда, *Ө. В. Б. ****, мало впрочемъ еще распространенная: открыты въ размѣрахъ количества земли у помещиковъ, подписку, *въ видѣ обязательнаго налога для всѣхъ безъ исключенія*, для сбора капитала и составленія, подъ вѣденіемъ довѣреннаго отъ дворянъ комитета изъ числа послѣднихъ и изъ представителей отъ другихъ сословій, владѣющихъ землями, «компаніи, для истребленія общими силами овражковъ». На капиталы компаніи должны во всѣхъ южныхъ губерніяхъ и уѣздахъ открыться частные подряды для уничтоженія овражковъ. Дѣло подрядчиковъ уже будетъ занято примѣненіемъ всякихъ средствъ истребленія къ дѣлу. Плата должна производиться, при повѣркѣ отъ комитета, за каждую принесенную шкурку овражка. При этомъ въ барышахъ компаніи останется еще громадный запасъ хорошенькихъ смушковъ. Отъ усердія мѣстной моды будетъ зависеть дать послѣднимъ извѣстность и ходъ. Эта мысль не лишена, по мнѣнію слышавшихъ ее, вѣроятія успѣха, и я буду радъ, если черезъ меня она получитъ движеніе. Мнѣ она передана только въ августъ минувшаго 1856 года. Дѣйствія отдѣльныхъ подрядчиковъ должны начаться рано весною, когда овражки, покидая зимнюю спячку, выходятъ впервые изъ норы и, заводясь дѣтьми, не такъ часто оставляютъ норы, какъ льтомъ. Картина истребленія хлѣба овражками истинно-поразительна. Въ знойный полдень вы ѣдете по степи, овражковъ не видите, а слышите только рзкій свистъ въ тысячу отдѣльныхъ мѣстъ по желтымъ нивамъ. Присмотритесь и замѣчаете, какъ въ гущинѣ колосьевъ, нѣкоторые стебли, подсыченные на вершокъ отъ земли зубами овражка, склоняются, будто отъ вѣтра, и падаютъ. Овражки выбираютъ изъ колоса зерно и, держа его во рту, съ раздутыми щеками, бѣгутъ сирятать его въ нору. Теперь дознано, что овражки истребляютъ такъ и молодую траву. Прежде думали, что они не переплываютъ большихъ рѣкъ, и живущіе за Днѣпромъ, по сую-сторону Харьковской губерніи, рады были и не

беспокоились за свой хлѣбъ. А теперь видѣли, какъ овражки цѣлыми стаями переходили въ плавъ тотъ же Донецъ и другія рѣки. Подъ Зміевомъ и Волоховымъ-Яромъ, гдѣ еще десять лѣтъ назадъ и не слышно было объ овражкахъ, въ минувшее лѣто уже поселяне убивали въ день ихъ по два и по три десятка...

Чумакъ съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращается на родину. Иногда еще болѣзнь настагаетъ его на пути, и роднаго угла ему не приходится болѣе увидѣть.

Въ смерти чумака въ степи много трогательнаго. Ее воспѣли десятки лучшихъ украинскихъ пѣсень, наравнѣ со смертью казака на чужбинѣ, въ бою съ врагомъ, въ старинныхъ казацкихъ думахъ. Привожу переводъ известной пѣсни о смерти казака, на сколько своеобразный подлинникъ позволилъ мнѣ передать его суровую и дикую красоту.

«Вѣтеръ по полю шумить,
 Весь въ крови казакъ лежитъ,
 На курганѣ головой,
 Подъ осѣкою рѣчвой.
 Конь ретивый въ головахъ,
 А степной орелъ въ ногахъ...
 Ахъ, орелъ, орелъ степной,
 Побрѣтаемся съ тобой!
 Ты начнешь меня терзать
 И глаза мои клевать.
 Дай же знать про это ей,
 Старой матери моей...
 Чуть начнетъ она пытаться,
 Знай о чемъ ей отвѣчать:
 Ты скажи, что вражій ханъ
 Положилъ меня въ свой станъ;
 Что меня онъ отличилъ,
 И могилой наградилъ!
 Съ сыномъ ей уже не жить
 И волосъ ему не мыть!
 Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
 Выжметъ до суха морозъ,
 А расчешетъ ихъ бурьянъ,
 А раскудритъ ураганъ!..
 Ты не жди его домой,
 Зачерпни песку рукой,
 Да поспѣй, да поджидай.
 Да слезами подливай....
 И когда песокъ взойдетъ,
 Смысь на родину придетъ!»

Въ поэтической жизни Украйны чумаць во всемъ занялъ мѣсто казака. Тенерь онъ герой степныхъ пѣсенъ. И въ самомъ дѣлѣ, отправляясь въ долгое и тяжелое странствіе, безъ особыхъ предосторожностей и средствъ спастись отъ непогоды, вліянія болотистыхъ мѣстъ и всякаго рода мѣстныхъ болѣзней, онъ часто становится жертвою скоропостижной смерти. Аптекъ на пути не ищите, равно какъ и врачей. Въ малонаселенной степи иногда за пятьдесятъ верстъ въ окружности не найдете и общей спасительницы мѣстнаго простонародья, «полу-колдуньи и полу-врача, и бабы-знахарки». Напившись въ жару холодной колодезной воды, съѣвши не въ-мѣру арбузовъ и дынь, или даже только простудившись, чумаць уже задумывается, повѣсилъ голову, и молча готовится встрѣтить свою участь. Товарищи съ участіемъ и боязливо поглядываютъ на него. Онъ уже не ѣсть и не пьетъ, и неподвижно лежитъ на возу. Простой припадокъ лихорадки превращается въ горячку, общее воспаление охватываетъ бѣдняка. Онъ истощалъ, блѣдный, какъ трунъ, едва переваливается съ боку на бокъ; волоса его взбиты. Изрѣдка только попросить воды промочить языкъ. И вотъ, иногда, на закатъ дня, видите вы на вершинѣ косогора, въ десяти шагахъ отъ битаго чумацкаго «шляха», толпу неподвижныхъ чумаковъ и на дорогѣ, въ сторонѣ, не распряженный обозъ, Наскоро готовится печальный обрядъ. Умирающій уже умыть, причесанъ; на него надѣта запасная чистая рубаха. Тутъ же, нерѣдко, товарищи не вдалекѣ и могилу при немъ роютъ. Онъ лежитъ на постланной свиткѣ, клокъ нарванной травы или боченокъ съ водой въ головахъ. А передъ нимъ стоитъ ближайшій его товарищъ, родичъ или «побратимъ», другъ его дѣтства. Прочіе въ это время удаляются къ сторонѣ и набожно стоятъ безъ шапокъ. Умирающій исповѣдывается въ грѣхахъ, за отсутствіемъ священника, другу. «Ну, друже, прости меня навѣки! Вотъ тамъ, въ Немировѣ, укралъ я ведро; а у насъ, въ Ганвовкѣ, есть моя люба—и я ее загубилъ, и теперь уже ей не житье! А тамъ-то въ лѣсу у меня закопаны три цѣлковыхъ; ты ихъ найди и ей отдай два, а одинъ пону за упокой моей души. Да еще я облаялъ Демка, да Петра, да матери покойной нагрубилъ... Сестру билъ съ-пьяну два раза... Шаравары тоже заложены въ корчмѣ у Прокопѣнка... Грѣшилъ я, друже, во всякомъ дѣлѣ, и словѣ, и помышленіи. Моли Бога, и попа проси, и служи за упокой! А волики мои... береги ихъ, и не

продавай... береги...»—Съ мыслію о любимыхъ волахъ, товарищахъ многихъ и многихъ его странствій, отлетаетъ душа его. Товарищи сходятся, крестятся, кладутъ его въ свѣжую могилу, бросаютъ по горсти земли, засыпаютъ могилу и ставятъ надъ нею шесть, съ привязанною на верху «хусткой», платкомъ. Вы часто увидите въ степи, близъ дороги, такой шесть. Во многихъ мѣстахъ ни шеста, ни хустки давно уже нѣтъ, а перекрестокъ двухъ дорогъ или одинокой курганъ называются «братьями чумаками» или «чумацкою могилою». Похоронивъ товарища, чумаки ѣдутъ далѣе. Иногда до слѣдующаго села бываетъ не ближе сорока или пятидесяти верстъ. Жители села на зарѣ услышатъ звонъ, и знаютъ уже, что это чумаки проходятъ и «звонятъ по душъ». Обозъ останавливается на улицѣ. Одинъ чумакъ идетъ къ пономарю и уговаривается съ нимъ позволить звонить. А принявшій послѣднюю исповѣдь покойника идетъ передать ее священнику. «Что ты?»— «Пришелъ просить вашей милости. Товарищъ отдалъ Богу душу на дорогѣ. Примите грѣхи; я ихъ принесъ!» — Мѣстные священники знаютъ уже этотъ обычай, берутъ крестъ и Евангеліе, и товарищъ передаетъ грѣхи покойнаго. Послѣ этого священникъ ѣдетъ къ могилѣ и «печатаетъ гробъ», то-есть, совершаетъ надъ нею принятый обрядъ, читаетъ молитвы и служитъ по уставу панихиду. Исполнивши обрядъ, товарищъ догоняетъ обозъ. И долго еще чумаки, за обѣдомъ и ужиномъ, поминаютъ недостающаго вокругъ котелка собрата.

Подъ рядъ приведенной пѣсни о казакѣ, привожу отрывокъ пѣсни о смерти чумака: *«Чомусь мои волы не пасуться?»* Вотъ ся подстрочный переводъ: «Отчего мои волы не пасутся и не будутъ воды пить? Лучше было бѣ жить на хозяйствѣ, чѣмъ по дорогамъ ходить. Хозяинъ дома на бѣлой постель спать ложится; а несчастный чумакъ всякую муку принимаетъ. Хозяинъ стелетъ постель пуховую, а чумакъ въ дорогѣ подставку подъ колеса. Заболѣлъ чумакъ, задумалъ умирать; да некому его смерти доглядать. Поминайте чумака хоть гнилыми сухарями. Охъ, рады бѣ поминали, да харчей начало не ставать. Нарядили его въ рогожу, схоронили край зеленаго луга. Слетѣлъ пѣтухъ на ворота, крикнулъ: кукурику! Не дожидай, мать, сына къ себѣ 'ты до вѣку. Вышла мать за ворота, стала плакать: когда тебя, сынъ мой, ждать домой? Тогда меня ожидай ты, какъ выростетъ трава зеленая въ хатѣ на па-

лѣтахъ. Росла трава зеленая, стала посыхать. Ждала, ждала мать сына—стала забывать!»

Но не одна мать будетъ горевать, ожидая сына. Его оплачетъ еще суженая. Пѣсня объ ожиданіи невѣстою умершаго чумака кончается такъ. Перевожу ее:

«Шумѣть вербы въ концѣ гребли, что я насадила;
Нѣту-нѣту миленькаго, что я полюбила!
«Нѣту-нѣту миленькаго, нѣтъ моего солнца;
Не съ кѣмъ слова перемолвить, сидя у оконца!
«Чернобровый, бѣлолицый, что каріи очи—
Не съ кѣмъ, не съ кѣмъ перемолвить сидя до полночи!»

Знаменитѣйшая изъ украинскихъ пѣсень, о смерти чумака: «*Ой, ходивъ чумака самъ рикъ по Дону*». Ее поетъ вся Малороссія. Съ напѣвомъ ея сравнится рѣдкая изъ народныхъ пѣсень. Вотъ ея подстрочный переводъ: Ой, ходилъ чумака семь лѣтъ по Дону; да не было невзгоды никогда ему. Ой, шелъ чумака изъ Крыму домой, приключилась невзгода ему на пути. Приключилась невзгода, не въ день, а въ ночи; заболѣлъ чумака, изъ Крыму идучи, при широкой дорогѣ воловъ пасучи. Ой, пошелъ чумака въ Самаръ на базаръ, краснымъ платкомъ голову повязалъ. Ой, упалъ чумака, упалъ и лежитъ; никто его не спрашиваетъ, что у него болитъ. Болитъ его сердце, болитъ и голова; умираетъ чумака, а родичей нѣтъ. Пришелъ къ нему атаманъ его; беретъ его за руку, жалуетъ его. Ой, атаманъ мой, жалуетъ меня; скидай съ меня жупанъ, да укрой меня. Бери мои волы—возы, херони меня; бери мое сребро-злато, поминай меня!—Скинулъ чумака свиту и кожухъ; припадаетъ къ сырой землѣ, теплый изводитъ духъ. Скинулъ чумака съ себя и кафтанъ: волы мои сврые, кто будетъ замъ панъ?—Ударили сразу въ великій звонъ; это же по тому чумаку, что ходилъ на Донъ. Да ударили сразу во звоны во весь; это же по тому чумаку, что ходилъ по соль. Ой, шли волы восьмерикомъ, прозвонили звонъ по душъ. Ревнѣли волы въ новомъ ярмѣ; схоронили чумака въ чужой сторонѣ. Ревнѣли волы, степью идучи; схоронили чумака, соль изъ Крыма везучи!»

Другая пѣсня, менѣе извѣстная, повторяетъ совершенно одну мысль съ приведенною выше старинною пѣсней о смерти чумака. Вотъ ея подстрочный переводъ: «Ой, по горамъ свѣзи лежать, по долинамъ воды стоять, а во путямъ маки цвѣ-

туть! То не маки, а чума́ки, изъ Крыму идутъ, соль везуть. Матерь сына узнавала, не узнала—выкликкала. Иди, сынку, до домѡньку, смою тебѣ головѡньку!—Умой, матерь, сама себѣ, или моею родной сестрѣ. Меня смоютъ часты дожди, а расчешуть густы терны, а просушить ясно-солнце, а раскудрятъ буйны вѣтры!»—Каждая почти чумацкая, лѣтняя пѣсня, говорить, что: «Добро было да чумаковѣть, пока все было ровно; а то уже изъ-за тѣхъ билетовъ — ходить да невольнѡ!» намекая здѣсь на паспорта, прекратившіе южно-украинское бродяжничество. Въ одной пѣснѣ умирающій чумацъ просить: «Ой, насыпьте надъ чумакомъ Никитою высокую могилу; да посадите надъ чумакомъ Никитою красную калину!» — Другая пѣсня передаетъ о пропажѣ воловъ загулявшаго чумака: «Ой, шель чумацъ дорогою, медъ-вино кружѣеть; какъ оглянется чумацъ назадъ, а воловъ и нѣту. Бѣжи, мальчикъ, бѣжи, малый, давай панѣмъ знать; пускай они, пускай они, шлютъ воловъ искать. Ой, въ Кіевѣ, да на рыночку, во всѣ звоны звонятъ. Какъ оглянется чумацъ назадъ, воловъ его гонятъ. Да оглянется чумацъ назадъ, его воловъ гонятъ; а за волами, да за возами — *бусурмѣна* вѣдутъ.» И такъ далѣе. Въ другой, какъ грабитель, упоминается запорожецъ. Не менѣе известная пѣсня: «*Ой, чумаче, чумаче, у тебя личико казаке,*» говоритъ, что путникъ: «ѣхаль, ѣхаль—могила; край могилы—долина; тамъ чумаки стояли, совѣтъ съ собой держали.» Въ концѣ совѣта атаманъ рѣшаетъ такъ: «косите, братцы, овесь; поведемъ въ Одессѣ!» Въ заключеніе чумацкихъ пѣсень, привожу переводъ пѣсни также о смерти чумака, мысль которой очень поэтична. «Ой, въ полѣ криница; тамъ холодная водица. Тамъ чумацъ воловъ поить. Волы ревуть, воды не пьютъ, дороженьку чуютъ. А чтобъ же вы, сѣрые волы, да въ Крымѣ не сходили, какъ вы меня молодаго навѣки смутили!—Померъ, померъ чумаченько, на недѣль рано; схоронили чумаченька въ зеленомъ буеракѣ. Насыпали надъ чумакомъ высокую могилу; посадили надъ могилой красную калину. Прилетѣла кукушка и сказала: ку-ку. Подай, сынку, подай, орликъ, хотъ правую руку! Ой, радъ бы я, моя матерь, и обѣ подать. Да налягла сыра земля, не можно поднять...»

ГР. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ УКРАИНСКИХЪ ЧУМАКОВЪ.

ОЧЕРКИ ЧЕТЫРЕХЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА ВЪ МАЛОРОССИИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856 года.)

О снѣ.

Календарь осени. — Картины селеній. — Черты украинской грязи. — Ожиданія чумаковъ съ дороги. — Смерть чумака на пути. — Смерть украинской дѣвушки. — «Паньске вино.» — Рассказыванье въ дождь сказокъ. — Сказки озапорожцахъ и песьяголовацахъ. — Образчикъ сказки объ украинскомъ Геркулесѣ. — Заключение: вечеръ въ корчмѣ и толки о близкой постройкѣ желѣзной дороги.

Ни одно время года такъ не питаетъ грусти, какъ осень. Пушкинъ сравнилъ осень съ умирающею красавицей. Ко многимъ чертамъ поэзии, обрисовавшей эту пору года, можно прибавить, что украинская осень въ особенности картинна. Отлѣтъ журавлей, зелѣнющія безконечныя озими, молотъба новаго хлѣба, смолкшія, обнаженныя поля и луговины, и предвѣстники зимы — дрофы и стрепета, собирающіяся въ кучи, все это взѣтъ невыразимою грустью. Первый желтый листъ здѣсь не заставляетъ ждать долго морозовъ. Сады и лѣса зелены еще въ сентябрь и октябрь. За то первый студѣный утренникъ превращаетъ деревья во что-то волшебное. Проснѣтесь, и глазамъ не вѣрите. Передъ вами стоятъ клены, будто вылитые изъ червоннаго золота; серебряныя бересты; бронзовыя липы и воронѣныя, темно-багровыя орѣшки. Вы не разъ, вѣроятно, встрѣчали такія золотыя, сказочныя рощи, по полтавскимъ и черниговскимъ дорогамъ, гдѣ иногда цѣлое дерево или вѣтка кажутся выкроенными изъ яркой, алой или лиловой, сквозной ткани.

Хмѣль и жолуди собраны. Семень-лѣтопроводъ обходить дозоромъ сады, пашни и огороды, чтобъ нигдѣ не было недостатку, чтобъ овощи и плоды вездѣ принесли урожай и радость. За то-же, ни съ чѣмъ не сравнится довольство хозяина, разразившаго за бѣлою, чистою скатертью первый, новоспеченный

хлѣбъ. А кто съѣлъ за столъ и за горою пироговъ не увидалъ на другомъ концѣ хозяйки, тотъ считаетъ себя счастливейшимъ человѣкомъ. Работы кончены. Спи и наслаждайся. Волка ноги кормятъ — человѣка кормятъ руки. Руки отработались. Теперь уже довольно. Все идетъ на отдыхъ. На Воздвиженъ гадъ сдвигается по мѣстамъ. Сдвигай и ты свиту, а надѣвай кожухъ, да на печь иди. Въ полѣ скучно, пусто и бѣдно. Бабѣ льто приводитъ похороны мухъ. Сорванные вѣтромъ наутинки летятъ по воздуху и исчезаютъ. То вѣдмы ловятъ ихъ и строятъ изъ нихъ лѣстницы на небо, замѣчаютъ поселяне: а по лѣстницамъ этимъ взбираются души некрещеныхъ младенцевъ и утопленниковъ. Тернъ собранъ. Соленья всякаго рода припасены на зиму. Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Своры снуютъ по кустарникамъ. Въ лѣсахъ идуть обвалы на волковъ и лисицъ. Въ сараѣ звенитъ подъ новымъ обручемъ бочка. Среди слободки шумяте и многолюдяте. На прибахъ, подъ-вечеръ, сидятъ и толкуютъ, какъ льтомъ въ праздникъ. У околицы появляются навьюченные мѣшками *щетинники*, любопытный народъ, торгующій гребнями и ладономъ, иглками и померанцами для настоекъ, шафраномъ и серьгами, и мѣняющій свои товары на щетину, неньку, перья, полотна, воскъ и медъ. Баба засмотрѣлась на оловянное кольцо и отдаетъ за него доходъ съ двухъ годовалыхъ кабановъ; понравилась ей лента на дочку, и въ неизмѣримые мѣшки щетинника отправляется пухъ съ десятка гусей. Какъ знать цѣну этому пуху, щетинѣ или полотну? Богъ ихъ знаетъ! А уже дѣло известное, лента по нятаку аршинъ, а кольцо гривна—хоть въ Балаклеѣ или въ самомъ Харьковѣ покупайте.

Наступаетъ ноябрь. Овинъ ноетъ отъ молотбы. На Федора Студита уже сильно студитъ. А вотъ и пророка Наума. Школьниковъ ведутъ въ этотъ день къ дяку и отдаютъ въ науку. «*Наума наведетъ на умъ!*» говорятъ отцы, по старосвѣтскому обычаю, и плотвѣе прижимаютъ носы въ бараньи шубы... Смянутся известные субботы: Федорова, Кузьмина, Михайлова, Дмитрова и Пуцаньяная. Последняя составляетъ заговѣнье передъ Филипповками. Какъ эту субботу объѣдаются правозѣрные украинцы, читатель увидитъ изъ любопытнаго разсказа Квитки: «На Пуцаньяная жъ завязано!»

А что вы сдѣлаете съ знаменитою малороссійскою грязью? О

ней и понятія не можете имѣть вы, гуляющіе по Невскому и столичнымъ мостовымъ. Можно объяснить вамъ это примѣрами.

Въ уздномъ городкѣ, въ именины судьи, гости стали съезжаться съ визитами къ имениннику. Но встрѣтилось неожиданное пренятствіе: улица за ночь превратилась въ болото. Тройки не могли вывозить легкихъ дрожекъ. Городничій приходилъ въ азартъ болѣе другихъ и бралъ улицу штурмомъ. Пробрался за два дома до крыльца именинника, всталъ на дрожкахъ и замахалъ платкомъ, торжествуя побѣду. Но тутъ дѣло и кончилось: лошади далѣе не повезли, потонувши въ грязи по-брюхо. Тогда сжалились сосѣди. Выставили уже двойную раму окна противъ дрожекъ, проложили съ окна доски на дрожки, городничій прошелъ въ окно, а тамъ по кладкамъ дворовъ прошелъ къ имениннику. Это было въ 1854 году.

Грязь полтавская и харьковская извѣстны всѣмъ. Почта на южныхъ дорогахъ запаздываетъ недѣлями. Въ минувшую осень 1856 года я выѣхалъ изъ Карочи въ Бѣлгородъ и дѣлалъ на перекладной, безъ малѣйшей поклажи, запряженной пятерикомъ крѣпкихъ, курскихъ лошадей, по двѣ и по полторы версты въ часъ. Дорога отъ Перекопа къ Севастополю, усянная сотнями затонувшихъ и замерзшихъ въ грязи воловъ и лошадей, извѣстна всѣмъ. Гребенка описалъ калоши-корабли, употребляемыя полтавскими чиновниками, для ходьбы на службу. Я видѣлъ лакея, застрявшаго съ блюдомъ соуса между кухней и домомъ, причемъ, за немнѣиёмъ подъ руками досокъ, его и соусъ спасли только тѣмъ, что разломали деревянную ширму въ дѣвичьей и прослали ея половинки отъ крыльца къ утопающему, при смѣхъ и толкотнѣ семьи, высыпавшей изъ-за стола. Видъ несчастныхъ воловъ, везущихъ возы съ колесами, облепленными до того грью, что имъ нельзя уже катиться, а остается ползти въ видѣ сенокъ, раздираетъ сердце.

Вообразите же при этомъ еще неожиданный морозъ съ вѣтромъ, безъ снѣгу. Тутъ дѣлается такъ называемая *ожелѣднца* или гололедица. По исполинскимъ пространствамъ степныхъ дорогъ пробивается единственная колея, нерѣдко въ аршинъ глубиною. Свернуть съ нея нѣтъ возможности; а по бокамъ либо канава дорожнаго бульвара, либо сплошная, окаменѣлая отъ мороза волны разрыхленной грязи. Предоставляю вамъ вообразить встрѣчу на такой дорогѣ: двухъ чумацкихъ обозовъ, возовъ въ полтораста каждый, заноздалыхъ въ странствіи, съ грузомъ

пятидесяти и шестидесяти пудъ на возу. Но опытные чумаки принимаютъ мзры и въ такую пору не ѣдутъ. Чуть, какъ говорится, размоклопогодилось на осень, они уже все покончили и сидятъ дома.

Въ сентябрь уже на хуторахъ и слободахъ ждутъ чумаковъ обратно. Толки бабъ въ это время достигаютъ высшей степени напряженія. Одна говоритъ, что вотъ мужъ прїдетъ, должно быть, къ воскресенью, а она смазала на бѣло хату, печь выкрасила красной глиной и синькой разводы подѣлала. Другая толкуетъ, что вѣрно не къ воскресенью, а къ средѣ *наши* будутъ, потому во снѣ видѣла, будто шель старій Никита, вынулъ рогъ табаку изъ голенища, понюхалъ и сказалъ: «А наши будутъ въ среду». Третья, наконецъ, увѣряетъ, что не въ среду, и не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ; потому-что въ воскресенье ихъ задержать на Крейдянкъ; тамъ они будутъ гулять и пить цѣлые сутки. Не въ среду же, потому, что среда постный день, а уже дома надо будетъ всѣмъ разговѣться и водочки выпить. При этомъ не безъ того, чтобы не вспомнить, какъ ее мужъ въ прошломъ году билъ, заставши съ кѣмъ-то въ конопляхъ. «О! да и билъ же меня мужъ; да и билъ же билъ, билъ! вотъ какъ билъ! что уже ни лечь, ни сѣсть, ни стоять; а послѣ еще пучокъ взялъ...» Иногда общее теченіе толковъ прерывается разговоромъ о какой-нибудь Марусѣ или Найдѣ, двѣкъ изъ сосѣдняго села. Несчастливая услышала о смерти любимаго парня-чумака въ дорогѣ и повѣсилась въ саду подѣ хатой. Навѣхалъ судъ, произвели слѣдствіе, записали и подписали протоколъ, что такая-то повѣсилась, умерла «скоропостижною смертью», по неизвѣстнымъ причинамъ. И останется о ней память въ однихъ недолговѣчныхъ толкахъ околodka, да можетъ быть какая-нибудь пѣсня сложится о ней и пойдетъ бродить по Украинѣ....

Дожди не умолкаютъ. Сѣрое небо безъ разсвѣта. А вотъ является изморозь. Въ воздухѣ вольнѣе и яснѣе. Зори какъ брилліантовые горять на небѣ. Уже близка пора снѣга. *Стожаръ*, кучка особенно-золотистыхъ, маленькихъ звѣздочекъ, такъ знакомый на Украинѣ, болѣе и болѣе склоняется къ землѣ. За нимъ преклоняетъ оглобли и *возъ*, большая медвѣдица. Остается запорошить дорогу первому снѣгу. Тучи нависли. Изъ каждой готовы уже хлынуть вороха снѣгу. Въ околлицѣ показывается послѣдній запоздалый обозъ чумаковъ изъ Крыма. Чумаки отвезли соль въ Кременчугъ, въ Крюковъ-Посадъ и идутъ

невеселы. Они не досчитываются любимаго своего товарища, Лазаря Овечки. Лазарь былъ запѣвало и коноводъ всѣхъ гулянокъ и пооекъ; лучше его никто не трудился въ дорогѣ. Ему съ возвращеніемъ готовился выборъ на сходки въ старшины, а тамъ и въ головы. Уже смѣняемый міромъ пройдоха, голова, Артѣмъ Штонда, подговорилъ старшинъ, Греблю и Качана, Перевертня и Поганѣнькаго, стоитъ на сходкѣ, всѣхъ озираючи и ни на кого не смотря. Уже онъ обдумалъ все кругло и гладко, что противъ рожна не пойдешь и надо что уступить мѣсто Лазарю. А Лазарь взялъ да на дорогѣ и умеръ. Привязалась просто лихорадка. Лечить не-кому. Она перешла въ горячку. Въ Рѣшетилковкѣ и схоронили. Пришли чумаки обратно домой. Родное село, какъ призракъ, встаетъ передъ ними въ туманъ. Всѣ высыпали имъ на встрѣчу: жены, дѣти, старики, невѣсты, родные и чужіе. «А гдѣ-же Лазарь?» — «У Бога!» — Въ толпѣ бабъ поднимается вой. Чумаки также присматриваются: всѣ ли живы изъ домашнихъ. «А гдѣ Оксана?» неровнымъ голосомъ спрашиваетъ Омелько Жгутъ. «Дома, дома, жива!» быстро отвѣчаютъ ему: только уже другая недѣля не встаетъ съ печи!» — Мало радости! Но спѣшитъ Омелько посмотреть на свою суженую. Сухотка безъ него съѣла дѣвку, и не долго остается ей жить. Черезъ мѣсяцъ, передъ Филипповками, она и умираетъ. Трогательнъ при этомъ обычай въ Малороссіи....

Если умереть на Украинѣ дѣвушка, помолвленная при жизни, или даже, просто, тайно-нареченная невѣстой любимаго парня, похороны справляются такъ необыкновенно, что ихъ трудно отличить отъ свадьбы. На хоругви и кресты, всегда выносимые изъ церкви при украинскихъ похоронахъ, мать или родные покойницы навѣшиваютъ все лучшее изъ ея приданаго: ленты, штофные пояса, мониста и дукаты. Гробъ убирается также кусками холстовъ и тканей, заготовленныхъ на свадебные наряды. Сама покойница убирается цвѣтами и одѣвается въ красивѣйшее платье. Молодежь, утѣшая убитаго жениха, руководить похоронами, несетъ гробъ, засыпаетъ его землей. И самыя поминальныя пѣсни здѣсь смѣняются и смѣшиваются съ свадебными. Дѣвки и бабы поютъ: «Ой, наша Оксаночко, засваталась; съ Омелькомъ обвѣнчалась!» исподоволь упоминая въ пѣсняхъ всѣ мельчайшіе обряды, совершаемые при свадьбахъ. Нѣтъ силъ вынести этого зрѣлища. Женихъ падаетъ на зарытую могилу, и иногда его замертво уносятъ отсюда.

Осенью довольство въ простомъ быту разлито болѣе, чѣмъ когда-либо. Чумаки, заработавши копѣйку, также не плошастъ. Вы увидите, на торгу, широкій возъ, на которомъ возсѣдаетъ онъ, приставя баклагу съ водкой къ губамъ, и пьетъ на всемъ раздольѣ, но пословицъ: «панъ въ огородъ равенъ воеводѣ.» Мнѣ рассказывали бѣдственный случай. Два чумака зашибли порядочную сумму извозомъ, нашли подрядчика своего въ Кремчуггъ, сочлись съ нимъ и получили сполна все деньги за три или четыре года. Съ кисою, полною цѣлковыхъ и ассигнацій, пришли они въ винный погребокъ и озадачили прикащика словами: «А жу-те, добродію, дайте намъ *паньского вила!*» Родъ вина не былъ указанъ; требовалось просто вино, которое пьютъ паны, господа. Это бы еще ничего. Прикащикъ подалъ имъ сперва лиссабонскаго, потомъ портвейну, а наконецъ и шампанскаго. «Дивись, дивись, Митро!» говорилъ одинъ другому: «яка медя, та и пляшкы у золоти! Се бѣ то неначе варѣна, а се ще й дзищыть!» Нализались собесѣдники до потери сознанія. Прикащикъ заперъ двери на засовъ, вытащилъ у нихъ деньги, запряталъ подалше, а хозяевъ денегъ—время было подъ вечеръ—къ ночи вывезъ на выгошь и бросилъ. Вообразите отчаяніе бѣдняковъ! Кромъ пропажи денегъ, въ защиту винопродавца, обличеннаго ими, засадили—было ихъ даже въ острогъ. Но бойкое вмѣшательство одного чиновника раскрыло дѣло и прикащикъ былъ уличенъ. «А что?» спрашивали послѣ чумаковъ: «хорошо панское вино?» — «Э! до биса гарне; та шкоду робыть. Якъ утнешъ пляшку, довго будешъ чмылѣвъ слухати, та ще й москаль проведѣ! А той, *портвинг* шо прозывается, такъ только якъ у ротъ узявъ — увва! только тѣпло по животу росходьтця!»

Подъ-вечеръ каждая слободка шумить. Вездѣ веселье, огоньки, шумъ, игры. Молодежь собралась, начинаетъ тянуть пѣсни. И не замѣтишь, какъ грянуть первые заморозки и зима выглянетъ изъ-за косогора.

Въ дождливую погоду, въ сѣренькій туманный денѣкъ, запоздалые чумаки не идутъ обозомъ. Въ дождь у воловъ стираются ярмомъ шен. У составленныхъ возовъ, подъ рогожами или прямо подъ возами, чумаки собираются тогда въ кучки и ведутъ всякіе росказы. Осенью дозволяется говорить сказки. Лѣтомъ нельзя говорить сказокъ, по повѣрью, что отъ этого падаютъ овцы. Покуривая трубки и лежа на животѣ, чумаки

предаются самым фантастическим толкамъ о старинѣ, домовыхъ, ведьмахъ, оборотняхъ и вовкулакахъ. Иной говоритъ, какъ въ былые дни запорожецъ-гайдамакъ выѣдетъ на большую дорогу, положить на ней поперегъ свое ружье, а самъ въблизи ляжетъ на ковръ и курить. Кто ѣдетъ мимо изъ чумаковъ—и дай ему дань солью или деньгами. Такъ цѣлый обозъ, человекъ въ пятьдесятъ, и платитъ съ каждаго воза. Тогда уже и прійметъ ружье. Опасные были люди и въ страхъ держали цѣлые караваны.—«Только лежитъ себѣ, да курить, какъ боровъ, толстый и усамн моргаетъ. Дядя мой, Охримъ Вайленко, и видѣлъ такого гайдамака на дорогѣ, какъ въ Крымъ ходилъ. И что жъ бы вы, братуне, думали? Положили среди шляху нагайку и говоритъ: платите подорожное, а то поколочу. И заплатили. А ихъ было душъ двадцать, а онъ одинъ!» Не малую роль въ такихъ бесѣдахъ играютъ еще рассказы о *песьголовцахъ*, людяхъ съ собачьими головами, которые будто бы въ старину перенимали пути чумакамъ въ Крымъ, хватили ихъ въ кабалу и откармливали орѣхами, да желудями на убой: какъ урѣжутъ палецъ и кровь не течетъ, а капаетъ одинъ жиръ, тогда и рѣжутъ. Тутъ, разумется, не безъ того, что въ такихъ бѣдствіяхъ удавалось иному *чумаченьку* уйти: то идутъ толки, какъ онъ ушелъ, какъ его полюбила непременно красавица дочка песьголовца, какъ они сдружились, стали жить тайкомъ душа въ душу, она стала носить ему подъ полки въ погребъ не орѣхи на убой, а разживется гдѣ-нибудь русскаго хлѣба, да и отнесетъ; а тамъ, какъ пришло время отцу его рѣзать, она выпустила его ночью и говоритъ: «Бѣги же ты, христіанская душа, и не поминай меня лихомъ! Намъ уже не свидѣться больше. Только какъ рожу я дитя и оно будетъ уже большое, то я пришлю его къ тебѣ.» И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, разъ сидитъ уже чумакъ дома лѣтъ пять или десять съ тѣхъ поръ прошло, и забылъ онъ уже про плѣнъ и песьголовцевъ, вдругъ вечеромъ вылазитъ изъ травы мордочка съ собачьими ушками и глазами, подходит и говоритъ: «здравствуй, батько; мать послала меня къ тебѣ. Не убивай меня, а станемъ жить, и я до вѣку буду тебѣ сыномъ...» Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ слушателей, сказка разрастается въ болѣе и болѣе причудливые виды. Я иногда по цѣлымъ часамъ засиживался у воза чумаковъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ, въ осенніе дождливые дни. Сказка украинская всегда съ особенною силою при-

*

взявала къ себѣ мое вниманіе, и съ-дѣтства я слѣдилъ съ любовью за нею: многіе образцы этой сказки я уже передалъ читателямъ и снова готовлю.

Для тѣхъ же изъ нихъ, кому любопытно было бы видѣть образецъ народной украинской сказки, въ томъ самомъ видѣ, какъ она выходитъ прямо изъ устъ народа и какъ она въ особенности дорога изыскателямъ народной поэзіи, присоединяю слѣдующую сказку: «*О Силачъ*», записанную отъ слова до слова съ разсказа поселянки и переведенную мною: — «Былъ себѣ человекъ да жена, а у нихъ два сына и дочка. Пошли сыны въ поле и наказываютъ отцу и матери, чтобъ они съ дочкою имъ объдать прислали. Дочка говорить: «а я почемъ знаю, гдѣ вы тамъ въ полѣ будете?» А они говорятъ: «мы будемъ раки ѣсть, да шелуху кидать по слѣдамъ; такъ насъ по нимъ и найдешь!» Вотъ они повхали, да все слѣдомъ шелуху кидаютъ; а тутъ потихоньку чортъ пособиралъ шелуху, да на свою дорогу и поперекидалъ. Дочка пошла по дорогѣ и пришла, — чортъ знаетъ куда, до нечистаго! А онъ ее поймалъ и говорить: «будь ты моя жена, а я твой мужъ!»

«Братья ввечеру прѣхали съ поля и стали отцу и матери попрекать, что не прислали объдать и что они голодные. А отецъ говорить: «мы послали». А они говорятъ: «А мы и не видѣли; гдѣ же она дѣлась? Ждали, ждали — нѣтъ. Старшій братъ говорить: «пойду я ее искать.» И пошелъ. Идетъ, — а человекъ пасетъ овцы. Онъ сталъ спрашивать: «не видѣлъ ли ты дѣвки? не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ я, пане-брате: она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить.» — «Отъ чего?» — «Если съѣшь разомъ живаго барана, совсѣмъ, съ кожей, такъ выручишь.» — «Мнѣ его одному на цѣлый мѣсяцъ будетъ!» — И пошелъ отъ него. — Напался онъ на стадняка, что скотъ пасъ, да и сталъ тоже спрашивать: «не видѣлъ ли ты дѣвки, не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ, пане-брате: она шла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить!» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Отъ чего?» — «Если съѣшь разомъ телушку, такъ выручишь!» — «Мнѣ на полгода ее будетъ.» — «Ну, такъ не выручишь!» Онъ дальше пошелъ. Напался онъ на табущика, что коней пасъ, и опять спрашиваетъ: «не видѣлъ ли ты дѣвки, не шла ли она, или не увели ли ее?» — «Видѣлъ, пане-брате; одна себѣ и пошла!» — «Нельзя ли ее найти, да выручить?» — «Можно найти, да нельзя выручить!» — «Поче-

му?» — «Если перескочишь черезъ двѣнадцать коней, такъ выручишь.» «Я и черезъ одного не перескачу.» — «Ну, такъ хоть вочерчайся домой—не выручишь.» — «Нѣтъ, пойду; что будетъ, то будетъ, а пойду!» — И пошелъ.

Пришелъ онъ къ чорту на дворъ, встрѣчаетъ сестру: «а! здорово, братъ старшій; по волъ или неволъ тебя Богъ принесъ?» «Казаку-рыцарю нѣтъ неволи; онъ все ходитъ по волъ!» — «Рада бы я съ тобою пойти погулять, да мужъ у меня лихой!» — «Какъ?» — «Да, у меня мужъ чортъ; я тебя спрячу въ сундукъ!» Она его спрятала въ сундукъ. Прилетѣлъ чортъ-змѣй, съѣлъ на лавкѣ, усъ пригладилъ и говоритъ: «фу! Русскій запахъ!» — «Нѣтъ, мужъ, ты по Руси леталъ, русскаго запаху набрался!» — Вотъ они посадились вдвоемъ; и стала она ему говорить: «что, еслибъ мой братъ, а твой шуринъ, да пришелъ бы къ намъ, — радъ ли бы ты ему былъ?» — «Э! какъ не радъ таки? пили бъ, гуляли, добрыя бы мысли помышляли.» — «Она пошла въ чуланъ, выпустила брата изъ сундука и повела къ мужу. Братъ стоитъ, а змѣй говоритъ: «А, здорово, шуринъ; подавай-ка, жена, цѣлаго барана съ печи!» — Она подала, сама стала около печи. — Змѣй посадилъ шуриня и говоритъ: «ну, пане-шурине, кто напередъ кость обгрызетъ, то тотъ другаго стукнетъ въ лобъ!» — Пока шуринъ управлялся съ одною костью, а чортъ цѣлаго барана съѣлъ и костью все его въ лобъ. — «А теперь пане-шурине, ты бѣги прямо въ дверь, а я изъ четвертой комнаты побѣгу; кто кого опередитъ до крыльца?» — Шуринъ сказалъ: «хорошо!» и побѣжалъ. — А змѣй изъ окошка выскочилъ и разорвалъ его.

Вотъ такъ и меньшой братъ пошелъ, и съ нимъ все такое же было, что и съ старшимъ; змѣй и его разорвалъ.

Когда змѣй побилъ шуриновъ, далъ приказъ ихъ рубашки мыть. Жена пошла на воду, моетъ кровавыя рубашки и плачетъ; а слеза упала въ воду, съ кровью смѣшалась, поплыла по водѣ и обратилась въ горошину.

Остались старый съ старою. Растеряли дѣтей; плачутъ. — Пошла старая за водой. Катится по водѣ горошина; старая поймала ее и съѣла. Какъ съѣла, такъ и стала чревата; родила сына, и дали ему имя *Коти-горошекъ*. Растѣтъ онъ не по годамъ, а по часамъ; выросъ и пошелъ въ чистое поле гулять. Насобиравалъ подковъ, ободьевъ и всякаго желъза и принесъ къ отцу и говоритъ: «иди къ кузнецу и пусть мнѣ изъ этого желъ-

за семи-пяденную булаву сдѣлаеть ; только не говори : «помогай Богъ!»—Отецъ не послушался, сказадь, и принесть булаву.

Коти-горошекъ пошелъ въ садъ съ матерью, подбросилъ булаву къ верху, ажъ на семь сутокъ, и наказаль матери, чтобъ она стерегла: какъ будетъ дождь накрапать, да вѣтеръ повѣвать, то чтобъ она разбудила; то булава съ верху будетъ летѣть!—Самъ легъ спать на семь сутокъ, а мать стала стеречь. Вотъ началъ дождь накрапать, а вѣтеръ повѣвать; стала мать его разбужать: «вставай, сынку, летить булава твоя!»—Сынъ проснулся и наставилъ мизинный палець; булава какъ ударила, такъ и рассыпалась на мелкія части.

Коти-горошекъ опять посылаетъ отца, чтобъ изъ этихъ кусочковъ сдѣлалъ кузнецъ другую булаву, и опять наказываетъ, чтобъ не говорилъ: помогай Богъ!—Отецъ не послушался, сказадь, и принесть булаву. Коти-горошекъ подбросилъ ее, подставилъ колено и она опять рассыпалась. Онъ въ третій разъ послалъ и наказываль не говорить: «помогай Богъ!»—Отецъ пошелъ и не сказадь. Сынъ подбросилъ булаву и, какъ летѣла, подставилъ лобъ; она ударилась, да вдругъ опять и улетѣла на семь сутокъ; а какъ вернулась — упала на землю и ушла до самой рукояти. Тогда онъ выхватилъ ее и говоритъ: теперь я знаю, что у меня было два брата и сестра; братьевъ уже нѣтъ на свѣтъ, а сестра въ неволь; пойду я ихъ искать: не найду ли?—Взялъ булаву и пошелъ.

Встрѣтилъ онъ овчаря и спрашиваетъ. — Отвѣчаетъ овчарь: «Можно найти, только если съешь живаго барана!»—«Вотъ еще, одного! дай мнѣ еще и другаго!» Съелъ, только кости остались. Овчарь и говоритъ: «А, бѣсовъ сынъ, изведешь ты нашего хозяина со свѣту!»—Пошелъ дальше; встрѣтился со ста́дникомъ; съелъ двухъ телушекъ. Встрѣтился дальше и съ табунщикомъ, и перескочилъ черезъ двадцать четыре лошади. Тутъ табунщикъ сказадь: «А, бѣсовъ сынъ, пропаль же теперь нашъ хозяинъ!»—Онъ ему: «Молчи, если хочешь живымъ быть; не то и тебѣ будетъ плохо!»

Пришелъ къ змѣю. Сестра встрѣтила: «здорово, братъ, или кто тебя знаетъ!» Онъ ей: «положи булаву въ печь, чтобъ она раскалилась.» Она ее положила, а онъ съелъ за столъ.

Змѣй прилетѣлъ, ничего не говоритъ, только усъ разглаживаетъ. Жена говоритъ: «Это мой братъ.» Змѣй приказываетъ: «Вынимай, жена, намъ цѣлаго барана!» Она вынула. — «Кто

прежде съестъ кость, тотъ другаго въ добы!»—Змѣй не успѣлъ и одной съестъ, а Коти-горошекъ съелъ цѣлаго барана и всѣ кости въ него побросалъ. «Ну, еще, шурине: ты иди въ двери прямо, а я пойду кругомъ черезъ четыре комнаты: кто прежде на крыльцо выскочить?» — Онъ взялъ булаву и выскочилъ. — Змѣй уже тамъ, и только-что разинулъ ротъ, а онъ ему горячую булаву въ ротъ, и говоритъ: «гдѣ мои братья?»—Змѣй показалъ, гдѣ они лежали не живые. — Онъ его убилъ и пошелъ къ братьямъ. — Летитъ ворона съ воронатами. Онъ ихъ и поймалъ. Говоритъ воронъ: «принеси мнѣ: «цѣлючей», «живучей» и «говорячей» воды!» Ворона полетѣла и добыла ему такой воды. Онъ взялъ вороненка, разорвалъ и полилъ его; онъ сталъ цѣль, ожилъ, закрикалъ и полетѣлъ. Коти-горошекъ тоже и съ братьями сдѣлалъ. Братья встали и говорятъ: «какъ мы крѣпко спали!»—А онъ: «заснулъ бы вы на вѣки, если бы не я! Пойдемъ въ нашу землю!»

Пошли они съ нимъ, и не вѣрятъ, что онъ ихъ братъ. Легли спать; взяли его, привязали къ дубу веревкою, а сами съ сестрою и пошли. Онъ проснулся, повернулся; сюда, туда, дубъ зашатался, онъ рвануль и поволочилъ его съ корнемъ за собою. Пришелъ къ отцу и говоритъ: «братья вѣры неймаютъ, что я ихъ братъ; вонъ къ какой палкѣ привязали; не пригодится ли кому на возъ, или вытонить печь? возьмите!»

Вотъ онъ живетъ, живетъ, а дальше и говоритъ: «Пойду я вамъ хлѣба заработаю.» Пошелъ и нанялся у одного попа хлѣбъ молотить. Взялъ семь паръ воловъ, да семь паръ возовъ и пошелъ цѣпь рубить; вырубилъ, да такой, что и всѣ волю не повезли. Онъ ихъ побилъ, кожи снималъ, за поясъ позатыкалъ; цѣпь въ руки взялъ и несеть. А попъ спрашиваетъ: «что это ты надѣлалъ?»—А онъ: «на что такихъ плохихъ воловъ дали, что и одного цѣпа не свезуть?» Сдѣлалъ къ цѣпу ремень изъ семи кожъ и сталъ молотить. А попъ говоритъ: «перемолоти же, если такъ, всѣ двѣнадцать скирдъ!» Онъ и сталъ молотить; да не по снамамъ, а по цѣлымъ скирдамъ; перемолотилъ, еще и солнце не село, и перевязалъ. И говоритъ: «Ну, панъ-отче, чего не заберу, то твое; а что заберу, то мое!»—Попъ подумалъ и говоритъ: «хорошо, бери!» Онъ пошелъ по слободѣ, понасобиралъ полотень и мѣшковъ; сталъ сшивать всѣ въ одинъ кулъ и накладывать; да, сложивъ весь хлѣбъ, и понесъ, Попъ какъ

увидѣлъ, напустилъ на него собакъ; а онъ какъ махнулъ цѣпами, побилъ всѣхъ и пошелъ себѣ.

Приходитъ домой, говоритъ: «нате вамъ хлѣба; будетъ на долг!» Они всѣ стали ямы копать, понасыпали, и стали такъ богаты, что не знали, куда и дѣть хлѣба.

Вотъ онъ опять пожилъ, пожилъ и говоритъ: «ну, теперь оставайтесь здоровы; нѣтъ мнѣ у васъ мѣры; пойду искать себѣ равныхъ!» И пошелъ. Идетъ и напалъ на двухъ человекъ. «А кто вы такіе?» — А они: «я *Верни-гора*, а я *Верни-дубъ*.» — «Пойдемъ, братцы, вмѣстѣ; я *Коти-горошекъ*, такъ къ вамъ и пристану; вы мнѣ будете къ парь!» — Они пошли, нашли въ лѣсу хату и стали жить. Оставляютъ Верни-дуба въ хатѣ, чтобъ онъ стряпаль, а сами пошли по лѣсу искать грибовъ. Верни-дубъ только-что разложилъ въ печи огонь, гдѣ ни взялся дѣдъ «съ ноготь, борода съ локоть, семь сажень коса». Какъ хватить Верни-дуба, такъ тотъ и покатился. Дѣдъ содралъ со спины его ремень, яшною трухою набилъ спину, и пропалъ. Пришли тѣ и стали попрекать ему, что не управился. «Какъ вы скоро хотите управиться!» говоритъ Верни-дубъ. На другой день оставили Верни-гору, а тѣ пошли по грибы. Гдѣ опять ни взялся «дѣдъ съ ноготь, борода съ локоть, семь сажень коса» — и съ нимъ тоже сдѣлалъ. На третій день оставили Коти-горошка. Сами пошли въ лѣсъ и говорятъ межъ собою: «Что тебѣ, ничего не было?» — «А тебѣ?» — «Вотъ что....» — «Ну, и со мною тоже!» — «Пускай же и онъ, бѣсовъ сынъ, того же попробуетъ!» — Опять приходитъ дѣдъ. Только что зашелъ, а Коти-горошекъ его за бороду. Раскололъ пень, да его бороду туда и воткнулъ. Дѣдъ рванулся и оставилъ бороду, а самъ и провалился, ажъ на тотъ свѣтъ. Пришли однодомы, и у него все готово; глянули, и дѣда нѣтъ, одна борода. Пошли они искать дѣда.

Приходятъ; ямочка маленькая въ травѣ на тотъ свѣтъ. Коти-горошекъ опустился по ремню, а тѣ стали его дожидаться. Онъ пошелъ по тому свѣту, и нашелъ трехъ дѣвокъ. «Не видѣли ли вы такого-то дѣда?» — «То нашъ отецъ!» — Онъ убилъ дѣда, а товарищамъ сталъ по ремню подавать дѣвокъ на этотъ свѣтъ. Вытянули первую: красавица! — Верни-гора говоритъ: «это моя будетъ!» — Вытянули другую: еще краше! Вытянули третью, такая, что и въ свѣтъ краше нѣтъ... Они бросили ремень, забрали ихъ, а Коти-горошка такъ и оставили. Онъ ходитъ по тому свѣту. Нашла туча. Онъ на дерево влѣзъ и видитъ гнѣздо. Во-

рона говорить: «Закрой дѣтей, я тебя вынесу!» Закрыль онъ; туча прошла. Она ему говорить: «приготовь двѣнадцать бочекъ солонины; какъ стану нести тебя, да обернуся, ты давай мнѣ по куску!» Онъ сълъ на ея спину и полетѣль; все даетъ, все даетъ, да и не стало солонины. «Дай!» говорить ворона.—«Нѣту!»—А она: «дай хоть кроху; малость чего не достаетъ; а то упаду опять назадъ.»—Онъ вырѣзалъ себѣ икру, и далъ. Она вынесла и говорить: «сколько ни зла ее, никогда не зла такой вкусной!»—Онъ пошелъ искать Верни-гору и Верни-дуба. Нашель и говорить: «Я пришелъ не мириться, а биться!» Взяль въ одну руку булаву семипяденную, а въ другую цѣпь, и пошелъ на нихъ. Верни-дубъ съ корнемъ дубъ вырвалъ, да на него; а онъ его и убилъ. Верни-гора цѣлую гору поднялъ, да на него; а онъ подставилъ булаву, гора рассыпалась; онъ и его убилъ.

За ними убилъ женъ, а съ меньшою сталъ жить да поживать.»

Никогда не забуду я одного вечера. Было это уже въ концѣ сентября. Дождикъ моросилъ, какъ изъ сита. Большая херсонская дорога была совершенно пуста. Только въ низенькой, одинокой хатѣ жидовской корчмы видѣлось движеніе. Чумацкій запоздалый въ пути обозъ расположился возлѣ на ночлегъ. Я тоже вошелъ въ хату за перегородку, гдѣ было чище. «Оно, конечно, слѣдствія нѣтъ, коли тебя захнутъ въ самые аулы!» говорилъ отставной пѣхотинецъ изъ кавказскихъ рядовыхъ, разваливъ тутъ съ котомкою вдоль лавки: oprичъ того, что иной разъ живота лишнись!» Его слушалъ сгорбленный и совершенно пьяный старичокъ изъ гуртовщиковъ, что видно было по его засаленному полушубку и навѣшаннымъ у пояса потертымъ инструментомъ для леченія скота. Въ главной передней половинѣ хаты сидѣли прїѣхавшіе чумаки... Пѣхотинецъ вскорѣ заснулъ и изъ-за перегородки сталъ слышенъ разговоръ послѣднихъ. День стемнѣль. Вѣтеръ срывался сильнѣе и сильнѣе. Дождь хлесталъ въ узенькія окна корчмы. Загнавши воловъ подъ сарай, чумаки внесли навознаго кирпича для топлива, затопили печку и расположились грѣться у огня. Шинкаръ — хозяинъ позволялъ дѣлать все, что угодно; онъ лежалъ въ лихорадкѣ на другой половинѣ корчмы. Двое изъ чумаковъ, усталые болѣе другихъ, постлали свиты у стола и, почесывая груди и бока, стали почти въ слухъ молиться на сонъ-грядущій: «Отче нашъ, иже еси!»—Богородице, дѣво, радуйся!» и «Помилуй мя, Боже!»— Другіе прижались ближе къ огню,

подкладывали топлива и долго не дожидясь опять, толкая въ полъ — голоса. Особенно задорно не умолкали двое изъ нихъ, одинъ должно быть сухощавый и уже не молодой, съ охрипшимъ отъ кашля горломъ, отъ чего голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки, а другой тихій и печальный, точно все плакалъ.

— «Эхъ, братцы, эхъ!» говорилъ послѣдній (перевозу его слова): «плохо намъ приходится! Корма дороги, водопой жида да москали снимали на аренду. За соль тоже въ-трое берутъ противъ прежняго. Гдѣ тутъ жить? А главное то, что навхали уже комиссиі, шести по степи въ струнку ставятъ, на курганы навзаютъ, да все кругомъ смотрять, рѣчки вымѣряютъ, и слышно, что стануть строить, ажъ изъ Харькова къ морю, такую дорогу, что не лошадыми, а огнемъ будутъ ѣздить. Пропали мы!..»

«Да, видѣлъ я, говорилъ охрипшій чумакъ: видѣлъ, какъ возилъ шерсть въ Москву изъ Кременчуга, эту дорогу. Нани позвали за одни такіе ворота высокіе, и показываютъ, говорятъ: что это такое? А оно протянулось, возъ къ возу, рядкомъ сажень на сто, а впереди желѣзная печка, какъ конь, и грива, и шея, и ноги, и глаза, какъ бочки, по вечерамъ свѣтятся. Верхомъ на томъ конѣ сидитъ такой рыженькій, въ курточкѣ. Вдругъ закричало оно, заржало—фу-фу-фу-фу! Вотъ какъ будто тебѣ табунъ бѣжитъ, и все подвинулось; да шибче, шибче—не оглянулись, какъ уже и пропало. Проходили мы тутъ около до вечера, на заводы, да на кузни машинныя все глядѣли. Стоимъ уже въ темнотѣ подъ мостомъ желѣзнымъ; а мостъ шель черезъ яркъ. Вдругъ бѣжитъ машина уже изъ того краю, насупротивъ — дыму, огня, искръ, поломя, по всему небу разсыпала—налетѣла, да поверхъ насъ черезъ мостъ, перескочила, насъ обсыпала искрами—а мы стоимъ, трусимся—ну, настоящее диво, и не придумашь, какъ страшно! Да какъ прїедетъ уже, какъ станеть высаживать людей—до тысячи человекъ доходило разомъ; а товару, товару, братцы, такая гибель, что насъ чумаковъ и всѣхъ, со всѣхъ концевъ свѣта собрать, такъ я думаю за разъ не поднимемъ....»

Голоса чумаковъ еще долго раздавались за перегородкою о чудномъ желѣзномъ пути. То молодой печальный голосъ смѣнялъ стараго; то охрипшій басъ вторилъ ему. Шли при этомъ и обычные толки о томъ же горестномъ, будничномъ житьебытьѣ, о невгодахъ отъ недоимокъ, о надежахъ скота, о труд-

нестяхъ промысла, о бѣдныхъ волахъ, голодающихъ иной разъ безъ корма, въ обожженныхъ солнцемъ стенахъ, и о томъ, что и теперь имъ, почитай, приходилось, съ пустыми руками, съ однимъ «*батожскомъ*» «*торохтія везти*» домой.

— Такъ какъ-же, спрашивали остальные: тогда уже чумаковъ, значить, такъ-таки, и не будетъ?

— Такъ-таки, и не будетъ! отвѣчалъ тихій, печальный голосъ молодаго рассказчика.

— Отчего же не будетъ?

— Оттого, что какъ ляжетъ эта дорога, какъ затопятъ ту печку, да попалятъ на нее всь, какіе ни на есть, лѣса по Донцу и по Днѣпру, то станетъ видно поломя ажъ въ Кіевъ—и намъ уже съ нею не поспорить. Станемъ всь старцами—а воловъ продадимъ на гурты...

Черезъ часъ замолкли голоса за перегородкой. Я всталъ и выглянулъ за дверь. Печь едва мерцала красноватымъ огонькомъ. Чумаки спали, расположившись въ безпорядкѣ, у печки и по полу, вдоль лавокъ и стола. Приподнятые локти, колѣни и головы, приткнувшіяся къ груди и животу сосѣдей, освѣщались отблескомъ изъ печки. На дворъ уже окончательно стемнѣло. Дождь безъ вѣтру барабанилъ въ окна и стѣны, какъ рьяный барабанщикъ. Собака выла въ какой-то клѣтушкѣ, за дворомъ. Я еще разъ взглянулъ на чумаковъ, стараясь угадать среди нихъ давшинихъ рассказчиковъ. Всь спали. Вѣроятно, сонъ каждаго изъ нихъ въ эту пору былъ одинъ и тотъ-же. Они видѣли огненное чудовище, летящее съ громомъ и стукомъ по степи, еще не давно не смятой ногой чловѣка, чудовища, которому суждено въ нашъ вѣкъ, оставя по пути своемъ зачатки новой жизни, новыхъ городовъ, фабрикъ и заводовъ, стереть своею желѣзною, неумолимою стопой все отжившее, хотя и живописное, все дикое и неумѣстное въ наши дни, хотя красивое и полное поэзіи, въ томъ числѣ и нашихъ украинскихъ чумаковъ...

Г. ДАНИЛЕВСКІЙ.

28 Февраля 1857 г.

С. Петровское, близъ Донца.